

М. ФАХУНДОВ

П НА СМЕРТЬ
ПУШКИНА

МИРЗА ФАТӘЛИ
АХУНДОВ

Пушкинин
Әлүмүнә

шәһәр поэмәси

АРХИВ

1962
1061

МИРЗА ФАТӘЛИ
АХУНДОВ

894.362-1
A95

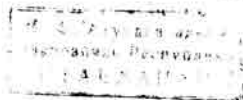
НА СМЕРТЬ
Пушкина

ВОСТОЧНАЯ ПОЭМА

24960

894.362.09

891.71.09

25908

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие и редакция Шыхали Курбанова

Оформление художников
М. Абдуллаева, А. Казимова

54290

*Настоящий сборник подготовлен к печати
отделом литературных связей
Института литературы и языка им. Низами
Академии наук Азербайджанской ССР*

«...Произведения истинных поэтов
остаются свежими и вечно юны».

А. С. Пушкин

Одной из заслуг М. Ф. Ахундова (Сабухи) — великого писателя, драматурга и философа-материалиста — является его неутомимая, кипучая деятельность в области укрепления дружеских и братских связей между азербайджанским и русским народами. Начало этой благородной работы было заложено его замечательным произведением на смерть А. С. Пушкина, известным в литературе под названием «Восточная поэма», которое было написано вскоре после смерти поэта. Это первое печатное произведение Мирза Фатали было счастливым началом всей его деятельности. Молодой поэт впервые на Востоке воссоздал бессмертный образ гениального представителя русской и мировой литературы. Поэма впервые была опубликована в мартовском номере журнала «Московский наблюдатель» (1837 г.) в переводе самого автора¹.

В знак уважения к молодому Ахундову журнал напечатал поэму без каких-либо изменений, снабдив ее примечаниями автора. Вполне разделяя мнение И. И. Клементьева, приславшего в редакцию положительный отзыв о поэме М. Ф. Ахундова, журнал назвал это творение «прекрасным цветком, брошенным рукою поэта

¹ Этот перевод, а также следующие переводы «Восточной поэмы», опубликованные в «Русской старине» и «Петербургском листке», даны в приложениях.

на могилу Пушкина» и «пожелал успехов замечательному таланту».

Письмо И. И. Клементьева профессору Московского университета С. П. Шевыреву, принимавшему активное участие в издании «Московского наблюдателя», является еще одним доказательством того, какое впечатление произвела поэма на московскую общественность. И. Клементьев писал: «Милостивый государь Степан Петрович! Мне чрезвычайно приятно было прочесть в письме, которым Вам угодно было почтить меня, выражения того удовольствия, какое произвели на Вас стихи молодого поэта Востока, стремящегося к русской образованности».

В России были написаны десятки произведений, посвященных памяти поэта. Однако ни одно из них, за исключением стихотворения М. Ю. Лермонтова, не пользовалось столь большой популярностью в народе и широкой известностью в печати, как творение М. Ф. Ахундова.

В 1874 г. «Восточная поэма» вновь появилась в печати, на этот раз в журнале «Русская старина» в редакции А. Бестужева-Марлинского. Журнал напечатал также краткое сообщение известного ориенталиста Адольфа Берге об авторе поэмы и его переводчице. «Русская старина» высоко оценила поэму Ахундова. В сообщении от редакции говорилось: «Ниже приводим примеры из этого интересного поэтического перла, свидетельствующего о том, что кончина Пушкина... потрясла своей неожиданностью не одну лишь Внутреннюю Россию, но произвела впечатление на ее мусульманское население в одной из отдаленных окраин Великой России...».

Интерес А. Бестужева к поэме М. Ф. Ахундова не был случайным. «Восточная поэма» по своему духу бы-

МОСКОВСКИЙ

НАБЛЮДАТЕЛЬ,

ЖУРНАЛЪ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРЕТИЙ.

МАРТЪ — ВТОРАЯ КНИЖКА.

МОСКВА.

1837.

ла близка Бестужеву, потрясенному трагической гибелью великого поэта. В письме своему брату из Тифлиса он писал: «...Всякое внезапное несчастье не вдруг проникает в глубину сердца... но через несколько часов, в тиши и уединении ночи, яд горечи вливается внутрь. Я не сомкнул глаз во всю ночь...». Эти строки удивительно созвучны с началом поэмы М. Ф. Ахундова.

«Не придавая очей сну, сидел я
в темную ночь...»

В 1880 г. в связи с открытием памятника А. С. Пушкину в Москве поэма Ахундова в переводе А. А. Соколова появляется в газете «Петербургский листок». Перевод этот был несколько вольным, однако он заслуживает внимания, являясь первой попыткой перевести «Восточную поэму» в стихах.

Поэма М. Ф. Ахундова в дальнейшем не раз издавалась. Она была напечатана в «Иллюстрированном прибавлении» к газете «Тифлисский листок», в «Пушкиниане» В. Каллаш. В газете «Кавказ» она появлялась дважды — в 1874 и 1899 гг. В настоящее время имеется более двадцати переводов «Восточной поэмы» на языки народов СССР.

125 лет отделяет нас от дня создания этого замечательного произведения, но оно по-прежнему свежо и великолепно.

Причина столь широкой популярности «Восточной поэмы», с одной стороны, объясняется высоким мастерством М. Ф. Ахундова, а, с другой стороны, она связана с громадной любовью к гениальному русскому поэту. К концу 30-х годов прошлого столетия интерес к творчеству Пушкина в Азербайджане, как и всюду, возрастает. Заметки великого поэта об азербайджанцах во время путешествия в Арзрум, его стихи, посвящен-

ные храброму воину-азербайджанцу Фархад-беку, проявившему себя в русско-турецкой войне в 1829 г., и азербайджанскому поэту Фазилхану Шейда, неоднократное обращение в своем творчестве к азербайджанским словам — все это говорит, что этот глубокий интерес был взаимным.

Трагическая гибель великого поэта была воспринята в Азербайджане как тяжелая невозвратимая утрата. Азербайджанский народ свое негодование выразил «стоном в стихах Сабухия». И не случайно М. Ф. Ахундов назвал свое произведение «Элегической одой». Хотя внешне оно мало чем отличалось от касиды, популярной на Востоке, но по своему глубокому замыслу было совершенно ново и для Азербайджана и для всего Востока. Молодой поэт в своей оде не ограничивается оплакиванием кончины Пушкина, он поднимает гневный голос против убийц поэта:

«Россия в скорби восклицает о нем:
О, убитый рукою убийцы-злодея!»

Поэму М. Ф. Ахундова условно можно разделить на две части. Первая состоит из обращения поэта к своему сердцу. Поэт сокрушается, он потерял покой, сердце его совершенно безучастно к окружающему, ничто его не радует: ни «берега ручейков, усеянные фиалками», ни «степь, украшенная как невеста», ни «соловей с листком розы в клюве», ни «красавица-зелень, выходящая из-под покрова праха», не могут оторвать поэта от тяжелых мыслей. Что же является причиной этого траура? Не стало Пушкина — «главы собора всех земных поэтов!»

Вторая часть содержит ведущую мысль всего произведения. В ней поэт языком сердца говорит о великих достижениях русской культуры, о высоком поэтическом даровании гениального Пушкина, осветившего

весь мир поэзии, о том, что смерть Пушкина «сдружила всех старых и малых с печалью и горестью».

Интересно и то, что оценка, данная в поэме выдающимся представителям русской культуры — Ломоносову, Державину и Карамзину, полностью совпадает с оценкой их великим русским критиком В. Г. Белинским. Далее М. Ф. Ахундов называет Пушкина венцом русской национальной литературы.

В «Восточной поэме» М. Ф. Ахундов выразил думы и чаяния не только своих современников, но и будущих поколений. «Мы гордимся тем, — писал народный поэт Азербайджана Самед Вургун, — что значение Пушкина в мировой поэзии впервые на Востоке было понято и любовно воспоето великим Мирза Фатали. Мы ему за это вечно благодарны».

«Восточная поэма», разумеется, не является единственным связующим звеном между М. Ф. Ахундовым и передовой русской культурой. Духовная связь Ахундова с этой литературой глубока и многогранна. Она проходит через все творчество великого писателя.

В советское время для развития культурных связей между братскими народами нашей страны созданы самые благоприятные условия. Именно в наше время стало возможным каждое значительное произведение братских литератур сделать достоянием миллионов. Ярким примером этому является перевод «Восточной поэмы» на многие языки народов СССР, представленный вниманию читателя в настоящем сборнике. Ознакомившись с переводами, нетрудно убедиться в том, что каждый переводчик по-своему сохранил красоту и прелесть ахундовских строф. И мы уверены, что их в этой благородной работе, наряду с пушкинским гением, вдохновляла великая любовь к гениальному сыну Востока М. Ф. Ахундову.

МҮГЭДДИМЭ

A decorative flourish consisting of a horizontal line with a small scroll on the left end and a large, intricate floral and scrollwork design on the right end, extending downwards.

«...Әсир шаирлерин әсерлерин өз тәрә-
ветини итирмәйиб, әбәди чаван галыр».

А. С. Пушкин

Азәрбајчан әдәбијјаты вә ичтимаи фикри тарихинә бөјүк јазычы, драматург вә материалист философ кими дахил олмуш Мирзә Фәтәли Ахундовун көркәмли хидмәтләриндән бири дә онун рус вә Азәрбајчан халглары арасындакы гардашлыг вә достлуг әлагәләринин мөһкәмләндирилмәси уғрунда јорулмадан мүбаризә апармасы иди.

Бөјүк сәнәткар бу сәһәдә фәалијјәтә даһи рус шаири А. С. Пушкинин өлүмүнә һәср етдији илк мәтбу әсәри илә башламышдыр. Мәтбуатда «Шәрг поемасы» ады илә мәшһур олан бу әсәрлә кәнч Мирзә Фәтәли (Сәбуһи) А. С. Пушкини бүтүн шәрг аләминә тәгдим етди. Әсәр илк дәфә «Московски наблјудател» журналынын 1837-чи ил март нөмрәсиндә мүәллифин өз тәрчүмәсиндә дәрч олунду.¹ Кәнч шаирә һөрмәт нишанәси олараг журнал тәрчүмәни олдуғу кими мүәллифин јығчам гејдләри илә бирликдә чап етмишди. «Московски наблјудател» әсәр һаггында журнала мүсбәт рә'ј көндәрмиш И. И. Клементјевлә «тамамилә шәрик олдуғуну» билдирәрәк ону «Пушкинин гәбри үзәринә гојулмуш надир чичәјә» бәизәтмишди. Әсәрин Москва ичтимаијјәтинә бағышладығы тә'сири И. И. Клементјевин Москва университетинин профессору, «Московски наблјудател»ин нәшриндә јахындан иштирак едән С. П. Шевырјова јаз-

¹ «Шәрг поемасы»нын бу тәрчүмәси, еләчә дә «Русскаја старина» журналында вә «Петербургски листок» гәзетиндә дәрч едилмиш тәрчүмәләр Әлавәләрдә верилмишдир

лығы мәктубдан да көрмөк мүмкүндүр. И. Клементьевин мәктубу (27 мај, 1837-чи ил) бу сөзлөрлө башлајырды: «Мархамәтли чонаб Степан Петрович! Сизин лазым билиб мени јад етдијиниз мәктубда Шәргин рус тәхсилинә чан атан кәнч шаиринин ше'риндән зөвг алдыгыны-ы охумаг мәнә сон дәрәчә хош иди».

А. С. Пушкинин фачиәли өлүмүнә Русијада онларла әсәр һәср олунмушдур. Өлмәз шаирин ләјагәтли вариси М. Ј. Лермонтовун үсјанкар ше'ри мүстәсна едиләрсә, буларын һеч бири М. Ф. Ахундовун әсәри гәдәр кениш јайылмамышдыр.

«Шәрг поемасы» «Московски набјудател»дә дәрч слунандан сонра да узун илләр Русија мәтбуатынын диггәтини өзүнә чәлб етмәкдә иди.

1874-чү илдә «Русскаја старина» журналы поеманын Бестужев-Марлински тәрәфиндән редактә едилмиш вариантыны чап етди. Журнал әсәрлә бирликдә мәшһур шәргшүнас Адолф Берженин М. Ф. Ахундов вә Бестужев-Марлински һаггында гыса мә'луматыны да вермишди. «Русскаја старина», әсәри «Пушкинин өлүм хәбәрини тәкчә дахили Русијаны дејил, бөјүк Русијанын учарларында јашајан мүсалман әһалисини дә сарсытдыгыны сүбүт едән шаирәнә инчиләрин нүмунәси кими» гижмәтләндирмишди.

Бестужев-Марлинскинин «Шәрг поемасы»нын тәрчүмәси үзәриндә ишләмәси тәсадүфи дејилди. Әсәр өз руһу е'тибарилә Пушкинин фачиәли өлүм хәбәриндән сарсымыш Бестужева чох јахын иди. О, бу хәбәри ешиндән сонра Тифлисдән гардашы Н. Бестужева јазмышды: «...Көзләнилмәдән үз вермиш һәр һансы бәдбәхтлик үрәјин дәриликләринә бирдән-бирә ишләмир... амма бир нечә саатдан сонра сакит бир кушәјә чәкиләндә, кәдәрин зәһәри инсанын бәдәнинә јайылыр. Мән бүтүн кәчәли көзүмү јуммадым...». Бу сәтирләр бизә «көзүндән јухуну кәнар едиб, гаранлыг кечәдә» өз кәдәри илә үз-

16

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1874 г.

ТОМЪ XI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. С. Валадиной (Школьная Окружа, д. № 49—50).
1874.

бәүз отурмуш кәнч Сәбуһинин вәзијјәтини хатырладыр.

1880-чы илдә Москвада А. С. Пушкинә гојулмуш һејкәлин ачылышы мүнәсибәти илә «Петербургски листок» гәзети «Шәрг поемасы»нын А. А. Соколов тәрәфиндән едилмиш тәрчүмәсини чап етди. Бу тәрчүмә, әслиндә хејли сәрбәст олса да, Ахундовун әсәрини рус дилинә ше'рлә тәрчүмә етмәк сәһәсиндә илк тәшәббүс кими ги-мәтлидир.

«Шәрг поемасы» сонралар «Тифлиски листок» гәзетинин «Әлавәләри»ндә, В. В. Каллашын «Пушкиннана»сында дәрч едилир. Тәкчә «Гафгаз» гәзетиндә бу әсәр еки дәфә 1874 вә 1899-чу илләрдә чап олуимушду. һазырда әсәр ССРИ халгларынын 20-дән артыг дилинә тәрчүмә едиләрәк, милјонларла охучунун малы олмушдур.

«Шәрг поемасы»нын мејдана кәлдији вахтдан 125 ил кечир. Лакин о өз мә'на вә тәрәвәтини зәррә гәдәр итир-мәмишдир. Бу әсәрин белә јашамасынын, кениш ми-гјасда јазылмасынын бир сәбәби онун јүксәк сәнәткар-лыгла јазылмасыдырса, диһәр сәбәби даһи рус шаиринә олан үмумхалг мәһәббәтдир. Бу мәһәббәт исә әсәрдә һәм бөјүк бачарыг, һәм дә сонсуз сәмимијјәтлә тәрән-нүм едилмишдир.

Мә'лумдур ки, кечән әсрин 30-чу илләриндә, һәр јер-дә олдуғу кими, Азәрбајчанда да бөјүк шаирин јарады-чылығына мараг кетдикчә артмагда иди. А. С. Пушки-нин Әрзума сәјәһәти заманы азәрбајчанлылар һаггында етдији гејдләри, онун 1829-чу илдә рус-түрк мұһари-бәсиндә русларла чижин-чијинә вурушан Фәрһад бәјә, Азәрбајчан шаирин Фазил хан Шејдаја һәср етдији ше'р-ләри, өз јарадычылығында дәнә-дәнә Азәрбајчан сөз-ләринә мүрачигәт етмәси бу марағын гаршылыглы олду-ғуну сүбүт едирди. Тәсадүфи дејилдир ки, Азәрбајчан халгы Пушкинин өлүм хәбәрини ағыр бир итки кими гаршылады вә өз кәдәрини үсјанкар тәбиәтли Сәбуһи-

нин ше'риндәки нәләләрлә ифадә етди. М. Ф. Ахундовун өз әсәрини «Матәм гәсидәси» адландырмасы тәсадуфи дежилди. Заһирән бу әсәр өзүнә гәдәр Шәргдә кениш јайылмыш гәсидәјә бәзәсә дә, дәрин мә'насы е'тибарилә истәр Азәрбајҗан, истәрсә дә Шәрг үчүн јени иди. Кәнч Сәбуһи А. С. Пушкинин фачиәли өлүмүндән алдығы тәәссүратла јаздығы «Матәм гәсидәси»ндә көз јашы төкмәклә кифәјәтләнмир. О, даһи шаирин гижмәтли һәјәтына гәсд едән «дүңја гулдуруна» гаршы өз е'тираз сәсини учалдыр:

Рус торпагы сонсуз кәдәрлә аглајараг дејир:

Еј чинајәткар гатилин әли илә өлдүрүлүшү...

Әсәри шәрти олараг ики һиссәјә бөлмәк олар. Биринчи һиссә шаирин гәмә батмыш үрәјинә мүрачнәтиндән ибарәтдир.

Шаирин үрәји о гәдәр кәдәрлидир ки, баһар нәсими илә ојанмыш тәбиәт белә онун руһуну охшамаға ачиздир. Нә «чөлүн бәзәнмиш кәлини», нә «нәркизин хумар көзләрини гамашдыран јасәмәнләрлә бәзәнмиш чәмәнлик», нә «димдијиндә күл ләчәји апаран бүлбүл», нә дә «күләшә» су чиләмәк үчүн һазыр дајанмыш баһар булдулары—бир сөзлә һеч бир шеј шаирин үрәјини бу кәдәрдән хилас едә билмир.

Бу сонсуз кәдәрин сәбәби «сөз усталары ордусунун бәшчысы Пушкинин чинајәткар гатилин әли илә өлдүрүлүшү»дир.

Әсәрин икинчи һиссәсиндә шаир Пушкин дүһасынын бөјүклүјүндән, онун шеһрәтинин бүтүн дүңјаны тутдуғундан бәһс едир. О, бөјүк сәнәткарын өлүм хәбәринин «бүтүн гочлары вә чаванлары гәмлә јолдаш етдијини» үрәк ағрысы илә хәбәр верир. Бу һиссәдә шаир Пушкинин бу вахта гәдәр һеч бир сәнәткар тәрәфиндән төкәрар едиләмәмиш сурәтини јаратмышдыр.

Кәнч Сәбуһинин бу әсәрдә тәкчә Пушкинә дејил, Русјанын Ломоносов, Державин вә Карамзин кими

көркәмли сималарына вердији јүксәк гижмәт бөјүк рус тәнҗидчиси В. Г. Белинскинин онлара вердији гижмәтлә сәсләширди. М. Ф. Ахундов бу көркәмли сималарын Пушкинин лајигли сәләфләри олдуғуну гәјд едәрәк, Пушкини јени милли рус әдәбијятнын башчысы адландырыр. Бу әсәриндә М. Ф. Ахундов тәкчә өз мүасирләринин дејил, бәлкә бүтүн кәләчәк нәсилләрин Пушкин дүһасына олан мәнәһәббәт вә еһтирамыны вермишдир. Азәрбајҗанын халг шаири Сәмәд Вурғун һағлы олараг јазмышдыр: «Биз, даһи М. Ф. Ахундовун бүкүнкү евләдләры... фәхр едирик ки, Пушкинин дүңја поезијасындакы әһәмијјәтини о заманкы Шәргдә дүзкүн баша дүшән вә сәминијјәтлә тәрәннүм едән мәнз бөјүк Мирзә Фәғәли олмушдур. Бу мә'налы, мейрибан вә сәмини сөзләр үчүн она һәмишә миннәтдарыг».

Әлбәттә, «Шәрг поемасы» М. Ф. Ахундовун рус әдәбијјатына бәсләдији мәнәһәббәт вә рәғбәти сүбүт едән јекәнә амил дежилдир. О, бүтүн һәјәты боју габагчыл рус әдәбијјаты илә руһән бағлы олмушдур.

Совет дөврүндә өлкәмизин гардаш халглары арасындакы мөдәни әлағәләрин инкышафы үчүн даһа кениш имканлар јарадылмышдыр. Мәнз бизим зәманамыздә гардаш әдәбијјатларын гижмәтли нүмунәләринин бүтүн совет халгларынын малы олмасы үчүн һәр чүр шәраит вардыр. М. Ф. Ахундовун «Шәрг поемасы»нын охучуларә тәгдим етдијимиз бу китабда топланмыш ССРИ халглары дилләринә едилмиш тәрчүмәләри буна ән парлаг мисал ола биләр. һәмјин тәрчүмәләрлә танышлыг көстәрир ки, һәрмәтли мүтәрчимләрин һәр бири өзүнә мәнхус усталыгла Ахундов ше'ринә хас олан көзәллик, мә'на вә тәрәвәти сахламаға чалышмышдыр. Биз әминик ки, бу нәчиб ишдә онлары руһландыран А. С. Пушкинин өлмәз дүһасы илә бәрәбәр, Шәргин даһи оғлу М. Ф. Ахундова бәсләдикләри бөјүк һөрмәт вә мәнәһәббәт олмушдур.

НА СМЕРТЬ

ПУШКИНА

Я сердцу говорил, глаз не сомкнув в ночи:
— Хранитель тайников, свой жемчуг расточи!

Зачем твой соловей умолк в саду весеннем,
Не разглагольствуют, как прежде, турачи,

Не прогремит поток речений превосходных?
Встань, скороход-мечта, в далекий путь умчи!

Смотри, пришла весна. В полях и на ложбинах
Цветы, как девушки, под солнцем горячи.

Бутоны алых роз пылают сладострастно.
Фиалки ждут любви. Запенились ручьи.

Вселенная полна желаньями до края.
На самоцветы гор ударили лучи.

А в сердце цветника, как падишах венчанный,
Зеленый кипарис торжественно возрос.

И в честь властителя пьют лилии и маки,
Сверкают в чашечках тюльпанных капли рос.

Поля украшены жасмином, и влюбленный
Нарцисс глаза раскрыл, бессонные от грез.

И в клюве соловья для всех гостей подарки. —
Несет он лепестки ему внимавших роз.

Разбухли облака, хотят пролиться ливнем.
Зефир предутренный мне запах трав принес.

Все птицы на заре поют, щебечут, свищут:
— Земля, зазеленей! Пришла твоя пора!

Все принесли дары на торжище природы:
У каждого нашлась хоть пригоршня добра.

Тот блещет красотой, другой вздыхает томно.
Повсюду пляски, смех, веселая игра.

Все празднуют весну, блаженствуют, ликують, —
Так беспечальна жизнь, так молодость щедра.

Или не в силах ты от сна очнуться, сердце,
Лишилось радости, не ценишь красоты,

Не хочешь на земле прославиться стихами,
Желанья погребло, забыло все мечты?

Бывало, в поисках заветных рифм — жемчужин
В бездонные моря ныряло смело ты,

Ты украшало мысль сравненьем драгоценным,
И ожерелья строк низать умело ты.

Откуда же сейчас твой беспроблемный траур,
Так онемело, так озаменело ты?

— Мой друг, единственный, — мне сердце отвечало, —
Оставь меня в тоске, не говори со мной!

О, если бы забыть, как мотыльки забыли,
Что зимний ураган не медлит за весной, —

Вручило бы я меч наезднику-поэту,
Благословило в путь за славою земной.

Увы, я знаю все о вероломстве рока,
Я чувствую конец неотвратимый мой.

Так пташка видит сеть и знает, что погубит,
И все ж, безумная, несется по прямой.

Что нашей славы гул, что похвалы за доблесть!
Проглочен отзвук их бездонной быстринной.

Не думай о мечтах! С мечтателями круто
Рок расправляется. Он судия дурной.

Ты помнишь Пушкина, забывчивый! Ты слышал,
Что Пушкин всех певцов, всех мастеров глава.

Ты помнишь Пушкина, о чьих могучих строфах
Из края в край неслась стоустая молва.

Ты помнишь Пушкина, как жаждала бумага,
Чтоб он чертил на ней крылатые слова!

Сверкающий узор той речи переливной
Изменив, словно крыл павлиньих синева.

Чертог поэзии украсил Ломоносов,
Но только Пушкин в нем господствует один.

Страну волшебных слов завоевал Державин,
Но только Пушкин в ней державный властелин.

Он смело осушал тот драгоценный кубок,
Что наполнял вином познания Карамзин.

Пусть Николай царит от Волги до Китая,
Но покорила весь мир лишь Пушкин-исполнин.

Как дорог лунный серп для путников Востока,
Так дорог лик его для северных равнин.

Ни небеса семи, ни четырем стихиям
Такой неведом был необычайный сын.

Но как родившие жестоко поступили
С любимым первенцом, — в отчаянье внемли!

Смертельную стрелой в избранника прицелься,
Путь крови огненной нежданно пресекали:

Одною градиной по их приказу туча
Роскошный сбила плод, и он лежит в пыли.

Подул смертельный вихрь и погасил светильник,
И кости бранные в подземный мрак легли...

Своим кривым ножом садовник старый срезал
Побеги мощные под корень у земли.

И в череп, в дивную сокровищницу мысли,
Как в черное гнездо, ехидны заползли.

Весь соловьиный сад был в розовых бутонах, —
Там иглы — тернии из праха проросли.

И птица вольная из клетки улетела.
Потоки слез из глаз печальных потекли.

Вся русская земля рыдает в скорбной муке, —
Он лютым палачом безжалостно убит.

Он правдой не спасен, — заветным талисманом—
От кривды колдовской, от козней и обид.

Он в дальний путь ушел и всех друзей покинул.
Будь милосерд к нему, аллах! Он крепко спит.

Пусть вечно плачущий фонтан Бахчисарая
Благоуханьем слез две розы окропит.

Пусть в бейтах Сабухи Кавказ сереброкудрый
Справляет траур свой, о Пушкине скорбит!

А. С. ПУШКИН
ӘЛҮМҮНӘ

Кечә етдим јухуму көзүмдән кәнар,
Сордум: «Еј сир чешмәси—үрәјим, нә вар?
Нәдән өтмәз бағчанын шејда бүлбүлү,
Нәдән гылмаз нитгинин тутиси көфтар?
Ше'р јолун, сөз јолун јохса кәсилмиш,
Һаны хәјал гасидин о јүнкүл чапар?
Јаз кәлмиш; һәр тәрәфдә чәмән гызлары
Бәзәниб, чамалыны етмиш ашикар.
Чеврилмиш чајыр, чәмән бәнәфшәликлә
Бағда одлу гөнчәләр ачмыш будаглар,
Чөл кәлини бәзәнмиш; дағлар онунчун
Әтәк-әтәк чичәкдән чавахир сачар.
Башына тач гојуб да шүкуфәләрдән,
Отурмуш ағачларын шаһы пүрвүгар
Сүсән, занбаг ичирләр жалә шәрабдан
Лалә гәдәһләриндә тәкрар... тәкрар...
Көј чәмәни јасәмән өјлә донатмыш,
Нәркизин сүзкүн көзү бахса гамашар,
Димдијиндә төһфәси—күл јарпағындан
— Хош кәлдин,—дејә бүлбүл өтәр бәхтијар.
Бәстәкәмәр булудлар сулар күлшәни.
Әтирли дан јелләри олмуш бир әттар.
Јумшаг сәсләрлә гушлар дејир сәбзәјә:
— Көтүр торпаг пәрдәни үзүндән, еј јар!
Һәпсинин әли долу, һәпси севдалы,
Бу базарда нә дүрлү мәта' десән вар.
Кими көзәллијилә чилвә көстәриб,
Кими фәғанла ејләр ешгини изһар.
Кечирмәкдә вахтыны шәнликлә һәпси.
Һәпси гәмдән, гүссәдән ејләмиш фәрар.
Бу шадлыгдан, еј көнүл, нәсибсиз галыб,
Сәнсән анчаг олмајан ујгудан бидар.

Урајинда һавәс жох, башында севда,
Долашырсан шөһрәтдән, хәјалдан кәнар.
Сөјлә, сән һаман көнүл дејилмисән ки,
Дүр сөзләрчин фикирләр бәһринә чумар.
Мәна көзәлләриндән өтрү јапардын,
Инчи дүзүмләриндән зијнәти-рухсар?
Бәс бу мәләмәт нәдир, бу мәләл нәдир,
Нәдир варлыға гаршы бунча игбирар?..
Көнлүм деди: «Еј мәним тәклик јолдашым,
Вар, кет, бир дә тохунма һиссимә зинһар!..
Чәмән гызлары кими, мән билмәмшидим
Јаз јелинин даһынча пајыз јели вар.
Сөз атыны говуб да, ғылынч дилимлә
Адындан һәр тәрәфдә чәкәчәјәм чар.
Бизим ахырымыз да бәллидир букүн,
Бу вәфасыз дөвранә јохдур етибар.
Ағылсыздыр о гуш ки, тордан чыхаркән,
Данәјчин олур јенә тора кирифтар.
Бу нә шандыр ки, билмәм, күчлү сәдасы
Сәма бошлугларында шиддәтлә курлар.
Башга хәјал етмә ки, бәллидир, фәләк
Әһлијлә даим ејләр тәрсинә рәфтар.
Еј дунјада хәбәрсиз, ешитмәдинми
Сөз ордуу башчысы Пушкиндан әхбар?
О Пушкин ки, нүктәјә башлајан заман
Һәр бучагдан гонарды чошгун алгышлар?
О Пушкин ки, кағыз да гараланырды,
Гәләми етсин дејә, үстүндән күзәр?
Хәјалы, товуз кими, бәрли-бәзәкли
Сөздән гәриб нағышлар ејләрди изһар?
Нәзм евини сүсләјән Ломоносовду,
Орда Пушкин хәјалы олду бәргәрар.
Державин тутмушдуса сөзүн мүлкүнү,
Јериндә Пушкин олду нәзмилә мухтар.
Чамә биллик мејини төкдү Карамзин
Пушкинә гисмәт олду о чами-күлнар.
Чар кими, Чиндән тутуб Татара гәдәр
Долашырды шөһрәти дијәрбәдијар.
Шималын көләриндә—Шәрг һилалы тәк—
Бармағы бир ишарә ејләрди ихтар.
Бу дилдә, бу зәкада бир оғул һәлә
Көрмәмиш «једди» ата, «дөрд» ана зинһар!

Тәәччүблә динлә ки, бөјлә валидејн
Сәрт давраныб, етмәди бу сәртликдән ар.
Ону әчәл охуна нишан гојуб да,
Варлығыны ејләди өлүм таримар.
Зүлүм, гара булудлардан долу јағдырыб,
Төкдү өмүр барыны, етди хакисар.
Сөндүрдү әчәл јели чыраг руһуну,
Сусгун кәләчәк кими, чисми олду тар.
Ел бағында, әлиндә ситәм күлүнкү
Чәван белни гырды залым рузкар.
Инчили мәналарын мөхзәни бир баш
Олмуш илан мәскәни, бир хәрабәзар.
Чисминин јувасындан учду чан гушу,
Бөјүк, кичик гәминдән чәкди аһу зар.
Бүлбүл, тәб'ина һәмдәм—гөнчә көнлүндән
Хәбәр вермәз торпагдан баш чыхарса хар.
Рус торпағы јас тутуб, фәған ғылыб ки:
-- Еј гатилләр әлилә өлән наmidар!
Гуртулмадын заманын ганлы шәриндән,
Тилсимин дә олмады сәнә һәвалар.
Сән ки чыхдын достларын әлиндән, бурах
Үстүнә һаг рәһмати олсун сәјәдар.
Торпағына сачмага ики күл әтри
Гонар Бағчасарајдан бир инчә рузкар.
Тутулуб бу хәбәрдән ағ сачлы Гафгаз
Сәбунинин шә'рилә јасыны сахлар.

НА СМЕРТЬ

МУЖИКА

Не зімкнувши вік, я просидів ніч,
Серцю докоряв, мав до нього річ:
Чом це ти замовк, соловейку мій?
Чом папуго, твій не лунає клич?
Чом пісням твоїм вже нема доріг?
Чом думкам твоїм линуть вдаль невміч?

Глянь — весна прийшла, мов дівоча юнь
Розквітає цвіт, його барв не ліч!
У фіалках луг, де струмки течуть,
І троянд суцвіть, мов гірлянди свіч.
Степ-долина вся потопа в цвіту:
Це — дарунок гір з їх квітчастих пліч.

Наче цар дерев дужий дуб в саду
Крону в небо підніс до хмар.
За його життя квіти росу п'ють
З кришталевих тюльпанів-чар.
Так розквітнув сад, так п'янить жасмін,
Що в очах у нарциса жар.
І тримають в дзьобах солов'ї на гілках
Пелюстки із троянд, мов дар.

Хмара дощ на квітник несе,
Повіває вітрець-тепловій.
На світанні співають пташки:
Яр зелена, рости, молодій!

Всі рослини на свято весни
Принесли подарунок свій.
Ті — красою милують зір,
Інші — пахощів ллють напій.

Всі радіють, сміються всі
Безпечальні в порі весняній.

Тільки ти, моє серце, сумуєш одне.
Чому ж спиш в нерозбудному сні?
Чом не мрієш про славу і чому нема
Почуттів палких у твоїй глибині?
Хіба ти, моє серце, не те вже тепер,
Що будило думки і творило пісні —
Ті коштовні слова, що як перлів разки
Осявали окрасою думи ясні?
Звідкіля ж ця печаль, чом засмучене ти?
Важко, серце моє, зрозуміти мені.

Каже серце: «Віднині забудь мене ти,
Вірний друже могого життя-самоти.
О, коли б я не знало, що літу услід
Будуть вихори осінь холодну нести, —
Я б вручило поетові в руки меча,
Хай у битві тяжкій досягає мети.
Та я знаю, що наш віроломний час,
Не здійснити бажань, моїх мрій не діяти.

Бачиш, пташко маленька, у сіті зерно,
Будь розумною — в сіть не лети!
Слава, доблесть, як грім — прогрімів і нема,
І зійшов із небес висоти.
Про поезію ти говорити облич,
Віще слово карають кати.

Ти про Пушкіна, друже, хіба не чував —
Полководця поетів усіх?
Про пісні його всюди гриміла хвала
На усіх континентах земних.
За словами його нудьгував папір,
Щоб покритись рядками їх.
Сяйвом райдужним слово сіяло його
Переливами барв чарівних.

Ломоносов поезії палац звів,
А живе у нім — Пушкін один.

Був Державін засновник держави слів,
А володар їх — Пушкін один.
З чаші знань випив Пушкін вино до дна,
Те, що влив його Карамзін.
Слава Пушкіна славу царя обійшла,
На ввесь світ її лет — розгін.
Як любимий на Сході місяця серп,
Так любимий на Півночі він.
Від семи небес, чотирьох стихій
Ще такий не народжувався син.

Але як це не дивно, до нього вони
Безоромно жорстоки були,
Щоб убити його — в його серце палке
Смертоносу стрілу навели.
Темних сил посланець йому груди пробив.
Як розбійник, підстрелив із мли.
Дужий вихор згасив його серця вогонь,
В темний гріб його кості лягли.
Ніж артерії юні розсік пополам,
Мов гілки, ті, що цвітом цвіли.
В його череп, де розум, як сонце сіяв,
Чорні змії тепер заповзли.
З його серця, де спів солов'я не змовкав,
Терени-колючки проросли.
Відлетів соловейко із серця-гнізда,
Плаче в тузі старий і малий.

Вся Росія голосить над ним:
Його кат ненавистний убив.
Врятувати тебе не зміг
Талісман твоїх дивних слів.
Ти від друзів пішов земних.
Хай же небо почує твій спів.
Хай до тебе Бахчисарай
Шле трояндовий запах вітрів.
По тобі у віршах Мірзи Кавказ
З горя сльози ясні пролив.

НА СМЕРЦЬ

А. С. ПУШКИНА

І не зводзячы вачыма, ноч праседзеў да дзянніцы,
Слухаў сэрца і пытаўся: «Сэрца, тайн маіх скарбніца,

Ты скажы, чаму ў твой кветнік салавей не завітае,
Дзе ён, майстра красамоўства, не спяваючы, лятае?

Кім паэзіі крыніца так загачана гвалтоўна,
Чаму твае лятункі прыпынілі ўзлёт раптоўна?

Паглядзі: вясна-красуня у гаях і па дубровах
Віхаціць і слепіць вочы строем сукняў каляровых.

Ручаіны ўсе ў фіялках, і трава ў расе іскрыцца,
Агністыя бутоны руж паспелі распусціцца.

І, нявесце нашых земляў, на маністы і браслеты
Шлюць падножжы гор рубіны і каменні-самацветы.

Аблыня ў вэлюме белым ад камля і да вяршыні
Узвышаецца над садам, як дзяржаўная шахіня.

На вяселлі ў чэсць нявесты мак з лілеяй на дасвецці
П'юць расу—нябесны нектар—з нежных кубачкаў
суквеццяў.

У прыродзе ўсё квітнее, пах язміну — можна ўпіцца,
На т нарцыс ад ісалоды ў халадку пачаў сляпіцца.

Салавей з вітальнай песняй, першы пеўчы ў гэтым шлюбе,
Просіць пару на каберац — а палётка ружы ў дзюбе.

На зары ў надхмар'і чорным загрукоча навальніца,
Каб на ружы і лілеі спорным дожджыкам праліцца,

Каб жаўрук, прагнаўшы стому, ў прамяністы час
світальны

Дню, як прынцу маладому, яраспяваў свой гімн вітальны,

Каб устала ўсё жывое у сваім святочным плаці,
І на торг прыроды несла свой тавар, сваё багацце:

Той — пярэстасць апярэня, а другі — крыльца убранне.
Трэці — знак свайго кахання — толькі ціхае ўздыханне.

Развітаўшыся з тугою, на прыволлі, на выгодзе
Ўсе пяюць і час праводзяць на вясёлым, шумным сходзе.

Толькі ты ў глыбокім смутку, у жалобе, ў паняверцы,
Скамянела ці заснула ў забышці спакойным, сэрца?

Як дала ты ад страсці, хараство табе цяміла—
Слава, творчы жар натхнення — нібы ~~як~~ ў табе
застыла!

Ці ж не ты ў глыбіні мыслі, як у мора, самым першым
Паглыблялася, шукала непадробны жэмчуг верша?

Ці ж не ты красуні-думкі параўнаннем аздабляла
І, як пацеркі, радкамі іх адна к адной сіляла?

Я не ведаю прычыны перамен; скажы, чаму так
Зажурылася ты ў смутку, скуль узяўся гэты смутак?»

І сказала сэрца: «Дружа, не турбуй мяне ў самоце,
Мне сягоння лепш астацца сам-насам, у адзіноце.

Нібы кветка лугавая, я і ў думках не гадала,
Што, апроч дыхання мая, бур асенніх ёсць навала.

Я дало тваім паэмам востры меч жывога слова;
Твой Пегас падкуты рыфмай, як рысак— на ўсе падковы,

Я пусціла іх па славу — і табе і мне на радасць,
Хоць і ведала, што век наш — крывадушша, зло і здрада.

Раз забытаўшыся ў петлях, напужаная сініца
Не сіла з яго прычадай — нават куста пабаіцца,

Бо і слава і няслава — скараход такі магутны,
Што, як гром і бліскавіца, і відны эдалек і чутны.

Памаўчы, ніякім словам не сучешыш ты, нябога.
Я то знаю, чым вялікім плаціць нашая эпоха!

Чуў, чым Пушкіну аддзячыла? Не стала чарадзей,
Важака славесных армія, нашай славы і надзеі!

Велікан з усіх вялікіх, ён, узор для ўсіх паэтаў,
Быў кумірам ва ўсім свеце, пуцяводнай зоркай свету;

Пад яго рукой магічнай у маўкліваці пакорнай
Белаліцая папера прагла быць ад мысляў чорнай.

Чарадзейны муляр-кладчык—што ні думка, то цагліна,
Са шматлікасю адценняў, як пяро ў хвасце паўліна.

Сад пазіі аздобіў Ламаносаў дзіўным дарам,
Каб у ім багатым плёнам спета пушкінская мара.

І няхай сабе Дзяржавін хваляваў Алімпа шаты,
Там уладна гаспадарыў геній Пушкіна крылаты.

Карамзін — яру прыйшлося паспытаць з браціны ведаў.
Але же толькі ён, мысліцель, гэтых ведаў смак адведаў.

Слых аб ім прайшоў па свеце ад Карпат за Гімалаі,
Як ад Волгі да Кітая — слых аб рускім Мікалаі.

Светлым розумам свяціў ён цёмнай Поўначы народам,
Як сярпок маладзіковы быў ён нам, сынам Усходу.

З чатырох — ніводнай матцы ад сямі бацькоў-тытанаў
Даць людзям такога сына не было наканавана.

А сама прырода-маці і яго бацькі-зладзеі
Абышліся з родным дзіцем як чужынцы-ліхадзеі.

Для стралы тае атрутнай ім не трэбыло нічога,
Апрача свайго дзіцяці, апрача яго самога.

І рука не задрыжала у праклятага найміта,
Ведала, ў каго цяляла: сэрца генія прабіта.

Як драбінка градавае з чорнай хмары ў навальніцу
Недаспелы плод збівае, так і куля чужаніцы

Пранізала джалам грудзі і раптоўна абарвала.
Самы дзіўны плод прыроды: быў паэт і ў міг не стала.

Нібы смерч апусташальны апраметнаю навалай
Пагасіў душы свяцільнік, і адразу ноч настала:

Галава яго — скарбонка задушэўных думак-згадак—
Стала, як сама эпоха, гнездзішчам грымучых гадаў.

Сэрца генія, што колісь пела песняй неўгамоніс,
Нібы ружы куст пад колам — ні галінак, ні бутона.

І з наседжанай дамоўкі, з халадзеючага цела,
Пырхнуў дух яго крылаты, і гнездо асірацела.

Ад старога да малаго руская зямля галосіць
І пагібельнай адплаты ўсім яго забойцам просіць.

Скруха вусны разамкнула, чутна злева, чутна справа:
«Нечуваннае зладзеіства! Нечуваная расправа!»

О, наш Пушкін, талісман твой аказаўся ненадзейны.
Не прыкрыў цябе ад змовы чорнай зграі чарадзейнай.

Ты разлучаны з сябрамі у гнездзе цяпла зямнога.
Хай жа будзе табе цяпла там, за воблакамі, ў бога,

Хай штогод з Бахчысарая ружы подыхам духмяным
Па вясне к тваёй магіле льюць эфір жывым фантанам.

Наш Каўказ, ссівелы з гора, ад Бештаў да самай Кушкі,
Вершам Сабухі рыдае па табе, бяссмертны Пушкін.

А. С. ПУШКІН
ВАФОТИГА

Кўзларимга уйқу келмай, ухламадим кечаси,
 Дилга дедим: — Эй сирларнинг жавоҳир хазинаси!
 Нима бўлди, гулзорингда булбулларинг сайрашмас?
 Нима бўлди, сўз тўтиси оғиз очмас бир нафас?
 Не сабабдан тўсилгандир шеърятнинг йўллари?
 Нега энди юрмай қолди хаёлингнинг чопари?
 Баҳор келди. Қараб кўргин: яшилликнинг қизлари
 Ясанишиб, балқиб турар жамоллари — юзлари.
 Бинафшазор яшнамоқда ирмоқ бўйи чаманда,
 Гулнинг олов гунчалари кулимсайди гулшанда,
 Безанган чўл келинига тутайин деб тўёна,
 Тоғ тўплабди этагига чечаклардан дурдона.
 Дарахтларнинг подишоҳи бошга кўйиб рангин тож,
 Боғ саҳнида мағрур турар, фуқороси гул — ёғоч.
 Нилуфар ҳам савсанларнинг бошлиқлари қўтаргай
 Шоҳларининг соғлиғига лола жомда шудринг-май.
 Чаманларнинг дастурхонин ёсиманлар тузаган,
 Хумор наргис унга боқса, кўзи қамашар экан.
 Боғ сайрида кезганларга «Меҳмон, хуш кебсан!» дея
 Булбул элтар чимдимиди гул баргини ҳадия.
 Гулистонга сув сепай деб қовуштирган булут қўл,
 Шабадалар гулшанларга гулоб атрин пуркар мўл.
 Тонгда майин овоз билан қушлар бўлиб нағмасоз,
 Чақирар: — Эй кўкат қизи, бошинг кўтар, қил пардоз!
 Бу бозорга келганлардан ҳунарсизни йўқ асти,
 Хар ким бирон мато қўйган, йўқса бунга келмасди.
 Бири дилбар ҳусни билан ишва қилар, ноз айлар,
 Бири эса ўз ишқини оламга овоз айлар.
 Еппасига тўй-тамоша, барчаси ҳам қувноқ, шод.
 Бу чоғ ҳамма «хайр» дейди қайғуларга умрбод...
 Сен-чи, эй дил, суюнишдан, шодликлардан йироқсан,
 Наҳот, жимлик уйқусидан уйғонмабсан шу чоқ сен?

На кўнгилда ҳавасинг бор, на бошингда ишқ-савдо.
Наҳот дебсан шеърятга, шухратларга «алвидо»?
Сен эмасми тиркай десанг назминг аро дурдона,
Тафаккурининг деиғизига чўмар экан мардона —
Инжулардан шеър тизиб зебу-зийнат яратган,
Бу совғани минглаб маъно қизларига таратган?
Нега ҳозир паршонсан, айгчи, нима дардинг бор?
Нега бугун гамзадасан, нега малул ва абгор?»
Кўнгили менга жавоб берди: «Эй ёлғизлик сирдошим,
Кўйгини мени ўз қолимга! Ўз қулфатим-ўз бошим!
Агар мен ҳам чамандаги келинчақлар сингага
Билмасамки, баҳордан сўнг эсар хазон еллари—
Агар учсам жангда шухрат топмоқлик чуввосига,
Тил қиличин қўриштардим сўзлар чавандозига.
Лекин менга эниқ бўлди: замона бевафодир,
Оқибати пуч экандир, иши жабру-жафодир.
Ахир тузоқ хатарини кўра гуриб билган қуш,
Бир дои учун домга тушса унда борми ақлу ҳуш?
Бу дунёда дабдаба-ю, шухрат деган қий-чуввос
Баланд гўмбаз бўшлиғида ноғарадафт гап, халос.
Кўйгини бошқа хаёлларини, мен-ку яхши биламан:
Аксий фалак хунар аҳлин силамоқда не билан.
Наҳотки, сен эшитмабсан, эй дунёдан беҳабар,
Пушкин номзи у зотники, шоирларга бош раҳбар!»
У Пушкинни, унинг сўзга оро бериш санъатин
Хар бурчакда юзлаб сало олқишларди куну тун,
У Пушкинни, қаламининг остида оқ қоғози
Мисраларининг сиёҳидан қораймоққа шод-рози.
Товус каби шўх хаёли кезганида хуромон,
Сўзларидан минг-минг нақш бўлар эди намоеън.
Ломоносон жило берди шеърятнинг уйига,
Пушкин эса ўша уйга бўлиб қолди чин эга,
Гарчи кириб фатҳ айлади Державин сўз диёрин,
Пушкин олди ўша мулкка султонлик ихтиёрин.
Маърифатнинг шаробидан Қарамзин жом тўлатди,
Бу лим тўлган май косасин Пушкин ичиб бўшатди.
Николайнинг донги кетса Чинга, Татаристонга,
Пушкиннинг чин фазилати машҳур бўлди жаҳонга.
Шарқ аҳлига ой ўроғи бўлганидай хуши ирим,
Пушкин қўли Шимол кўкини рамзи эди бежирим.
Бундай зийрак, ақли расо ўғилни хақиқатан

ққан эмас тўртта она ҳануз етти отадан.
Ади эшит ва ажаблан: шунча ота ва она—
Ага бағри тошлик қилди уялмай, разилона...
Анинг танин мўлжал қўйди улар ўлим ўқига.
Асишди жон томирини, афсус, инсоф йўқ экан!..
Юрдилар: юзи қора булутдан дўл тўкилди,
Анинг ҳаёт дарахтидан мана ерга чўкилди.
Ақалнинг тунд ели унинг руҳ чирогини сўндирди,
Ажудининг ётоғига қора зулмат қўндирди.
Анинг ниҳол қоматини бу гулистон саҳнидан
Акса боғбон кесиб олди теша билан дафъатан.
Аъноларнинг хазинаси у бошқоса, замона —
Ардишидан энди бўлди илонларга ин-хона.
Аъб булбулин сайратувчи гунча қалби чиринган,
Анди қаранг, бу тупроқдан бош чиқарди хор-тикан.
Аданнинг уясидан учиб кетди руҳ қуши,
Амга ботди бу Ватаннинг хоҳ қариси, хоҳ ёши.
Аус тупроғи аза тутиб марсияда бўзлайди,
Ақароб бўлдинг паст қотилинги дастид!» деб сўзлайди.
Аум тақдирдан, шу жодугар кампир деган балодан,
Асиз, сенинг гилсимларинг бўлмади балоғардон.
Апис кетдинг дунёдаги ёронлардан абдий.
Асмонда ёрлақасин сени тангри раҳмати!
Аоҳчасарой фонтанида бир жуфт гулнинг атрини
Ааҳордаги шаббадалар элтиб ўпар қабрининги.
Аенинг шеъринг инъомига бу мўйсафид Қавказ ҳам
Абуҳийнинг байти билан тутмоқда чуқур мотам!..

А.С. ПУШКИННИН
КАЗАСЫНА

Жанарымнан ұйқы қашты, қалды адыра салдығым,
Жүрегіме былай дедім: айтшы, сыршыл сандығым!

Неге ғана сайрамайды гүл шайыры—бұлбұлың?
Неге тілін беземейді шешен тоты — дүлділің?

Неге сенің жыр бағыңа апаратын жол жабық?
Арманыңның хабаршысын кім әкетті олжа ғып?

Қарасаңшы — көктем келді, қайтты қыстың ызғары,
Түрлі-түске бояныпты қырдың гүлі—қыздары.

Сәй-саланы жағаласаң, шоқ гүл жинап аласың.
Шымқай қызыл раушанды жалын ба деп қаласың.

Қалыңдық жасануға сыйға апарар қастерлеп,
Етектегі алуан гүл інжу, маржан тас дерлік.

Жасыл бақтың ортасында гүл таж киген бір ағаш
Шах тәрізді түр тәкаппар—емес оның түрі оғаш.

Мөлдір шарап—шық толтырып қызғалдаққа — кесеге.
Саулық үшін ішті көкнәр, көгерсін деп көсеге!

Әппәк гүлдер аузын ашып үлбіреген, міне, ай!
Соған қарап нарцистердің басы айналған, дүние-ай!

Дегендей-ақ: «қош келіпсіз! Өзіңізге сыр айтам»—
Сандуғаш та сый секілді тістеп жүр бір райхан.

Бұлттар дайын бақ ішіне бүркуге әтір—жаңбырын,
Жел де жұпар хош иісті, төккен кезде таң нұрын.

Көркем көгал, көтер басты, ағарды әне, күншығыс,
Күйкылжытты нәзік әнді құмыр бұлбұл—әнші құс.

Табиғаттың базарына алып келген не түрлі
Өсімдіктің бәрінің де тартуы бар қадірлі.

Біреулері қылымсыды көзді тартар өңімен,
Білдіреді енді бірі махаббатын демінен.

Бәрі де оның өткізеді өз өмірін шат қылып,
Қайғы мен мұң, көңілісіздік—олар үшін жат қылық.

Қуаныш пен сүйініштен қақас қалып, жүрегім,
Қайғырдың ба? Қамықпаш! Мен де жүнжіп жүр едім.

Көңілімнің түк қыры жоқ, емге ой жоқ мнұмда.
Даңқ, өлеңді ұмыттың сен, жүрек, осы қиын да!

Табу үшін жыр інжуін қалың жұртың оқитын
Сен емес пе ең кеше ғана кешкен ойдың мұхитын?

Әсем ойға асыл теңеу таба алмаймын демедің,
Жырдан жарға алқа тағып, моншақ тізген сен едің.

Енді бүгін қайғы-мұңды қайдан алдың—білмеймін,
Сені мұнша қасіретке душар қылған кім деймін?

Жүрек айтты: жан серігім, мұнша неге тергедің?
Өзім менен өзім болу—енді менің ермегім.

Шабындықтың шешегіндей жанды көзге ілмеппін,
Көктемнен соң қарасуық күз келерін білмеппін.

Айқасқанда атақ үшін, даңқ үшін, күні үшін
Сөз патшасы қару қылар қызыл тілдің қылышын.

Зұлым заман зұлматтықтан бас тартпайды қалай да.
Арманыма жете алмасым аян маған алай да.

Көздің жауын адатұғын жем салды деп ұсақтап,
Өзі шыққан тор-түрмеге қайта түссе, құс—ақмақ.

Бұлтты көкте күн күркіреп шатырлаған секілді
Даңқтың да дауысы зор. Білмейді ол шек-шетіңді.

Қалай шөгіп егілгенін даналары дәуірдің
Сеземін мен, сен үндеме, кәзір сондай ауыр күн.

Сез әскерін жөнге салған қолбасшы Ұлы Пушкинді
Білмейтұғын білмеймін мен әлі күнге ешкімді.

Әл кәдімгі ақын Пушкин жазған кезде өлеңді
Лақтау, атақ жүз аралап, жүз ораған әлемді.

Басы қатты қаламынан күні-түні кешкен жол
Қараз біткен қап-қара боп қалсам дейтін Пушкин ол.

Қиялы оның мың қылықты, мың бояулы гүл тұрған,
Езі оның тотықұстың құйрығындай құлпырған.

Ломоносов жыр сарайын бояуға еңбек арнады,
Сол сарайды мекендеді Пушкиннің кеп арманы.

Державин қарт жаулап алса поэзия өңірін,
Оған жалғыз Пушкин ғана жүргізген де өмірін.

Қарамзин кеп толтырған-ды шарабымен ілімнің
Ол кесені сарқып ішкен—Пушкин—досы білімнің.

Тек Қытайға шейін білсе Николайды жұрт деген,
Оның аты таныс қазір шет елдермен, сыртпенен.

Асып-тасқан ақылымен сүйікті ол Сібірге,
Ал Шығысқа Айдай қымбат жаңа туған іңірде.

Данышпан да, дарынды да, айбынды да, келісті
Мұндай ұлды бұдан бұрын көрмеп еді жер үсті.

Міне осы жер үстінде адамдар бар толы уға,
Ұялмады солар оған тастай қатал болуға.

Таңдады оны, байлады оны суық ажал оғына,
Жүз есе біз қайғырамыз енді ақынның жоғына.

Баданадай бір бұршақ кеп қара сұлттан үзілген
Дұшпандардың өмірімен әкетті жер жүзінен.

Өлім қуған қаскөй құйын жан шырағын сөндіріп,
Кетті ақынның мүрдесіне қараңғылық ендіріп.

Балта шапты бағбан оның тамырына аямай,
Байтақ бақтан бұйырмады оған орын аядай.

Қалды ақыры ойлы басы құрбаны боп лаңғың—
Жылан заман қылды оны ұясы улы жыланның.

Дарынының сандуғашы қонған гүлі—жүрегі
Жұлынды да шөңге шықты, шағады ол, кіреді.

Шыбын жаны ұшып беріп денесінен— ұядан
Қасіреттен өртенді де күл боп кетті кей адам.

«Қасапшының қанды қолы ұлы ақынды мерт қылған»
Деп зарлаған орыс жері кек алуға серт қылған.

Өлең-тұмар жиренішті сиқыр көзден жасырып
Қала алмады—кетті қасың тағы қулық асырып.

Дұшпан ісі: саған—ажал, бізге—қайғы, арға—сын.
Енді өзіңе аспандағы аллаң ғана жар болсын!

Бақша сарай бағындағы қос райхан егілер,
Кектем бұлты болып келіп зиратыңа төгілер.

Шашы ағарған Кавказ сені өлтіргенді қарғайды,
Сабухидің өлеңімен жоқтау айтып зарлайды.

ЗҰМДОНОН

БАҚАДАСЗАЛАБАЖА

ძიღამკრთალმა ჩემს გულს ღამით
მივმართე და ვებუტბუტე:
„გულო! გულო! საიდუმლო
პატიოსან თვალთა აუღე,

სთქვი, რა მოხდა რომ ბულბულმა
მიატოვა მინდორ-ველი,
ან ზორაყი რად დადუმდა
მოენე და მჭერმეტყველი?

რად შეუწყდა გზა ტყბილ სიტყვას
მონარნარე ჰანგთან ერთად,
ან ოცნების იქვრი ვისი
ვისთან არის, რად გაჩერდა?

გაზაფხული შემოვიდა...
მცენარეთა ზღვა ქალწული
ქველუცობს და ყელს იღერებს,
მზის ალერსით დაქანცული.

ნაკადულის ნაპირები
ლურჯ იებით შეიმოსა,
ცეცხლოვანი ვარდის ყლორტი
სააშიკოდ იწვევს მგოსანს.

ველი მწვანით მოიქარგა,
ტყბილ სურვილებს ფანტავს კრძალვით
და ელვარებს ძვირფას თვლებით,
ვით უმანყო პატარძალი.

შუა ბაღში თავმოწონედ
ამართული მთელი ტანით
ყვავ-ლების ჭილადგმული
გადაშლილი ხე-სულთანია.

ზამბახი და სუსამბარი
მოსდებია ირგვლივ მდელოს
და ყაყაოს თასებიდან
სვამენ იმის სადღეგრძელოს.

ისე კობტად გადიგენტა
იასამნის ბუჩქ-ხეხილი,
რომ ნარგავი განცვიფრებით
დარჩა თვალგაახელოლი.

თვით ბუღბულიც გაზაფხულის
ჭარბ აგზნებას ველარ უძლებს,
ტყბილ ნისკარტით ნაზად აწყობს
სტუმრებისთვის ვარდის ფურცლებს.

ცვარნაკრები ცის ღრუბელი
ნამს უგზავნის ყვავილნარებს,
ხეფირი კი სურნელებას
ეზიდება ყოველ მზარეს.

ისია, ფრთოსანთ გუნდი
ავარდა და ხმა დახლართა:
„ო, მწვანეთის პატარძალი,
გადაიძრე მიწის კალთა“.

ყველა ერთუროს ეცილებდა,
ჰქმნას სიკეთე საზრახელი,
რომ ბუნების გაშლილ ბაზარს
მიეგებოს სავეს ხელთ.

რიგი აფენს ნილამაზეს, —
რავიფების გულის მკოდაეს, —
რიგი მღერის, რიგი ოხრავს,
რიგი ტრფობის ლეკსებს ბოდაეს.

ო, შენს გარდა, გულო ჩემო,
ყველს ლაღობს მზიარულად,
კავშირი ალარა აქვთ
ერთმანეთის ზიარულად.

ამ საერთო აღტაცების
შენ არა ხარ მონაწილე!
ძილისაგან გაეკვივი!
თვალებს ღობრი მოაცილე!

ნუთუ გულის შინასკნელში
არ გიღვივის ნატრ-სულის,
არ გიზიდავს დიდების ხმა
და ოცნება სოყვარულის?

შენ ხომ ისევ ის გული ხარ,
ვინც ვიღოდა ფიქრთა ზღვ-ში,
ვინც როკაიდა ზღვის ტალღებზე
ძვირფასეულ რითმის ტაშით.

ამოგონდა მის ფსკირიდან
მარაგოტი თინა-ფენად
ლამაზმანი ხათუნების
ბროლის ყელის დასამშვენად.

მაშ საიდან წარმოიშვა
შენი სევედა, შენი რუვა,
ჭირისუფალს დაემსგავსე,
თითქოს გღვედეს წყველა-კრულვა!“

გულმა ასე მიასუხა:
„კობოც დამტოვო ჩემთვის მარტო,
მეუღროვება ნო მიშობოც.
მსუას ვიტანო, მსუას ვიღარო.“

მე, რომ მსგავსად ფარვანასი,
არ მესმოდეს ის ცის ძალი,
რომ ზაფხულის სიოს მოსდევს
შემოდგომის ქარიშხალი, —

მყის სიტყვის ხმალს შევიტყავდი,
დავიწყებდი ერთზე მღერას
და დიდების მოსახვეჭად
გავქუსლავდი ლექსის მერანს.

მაგრამ, ვიცი, თუ რამდინად
მუხთალია ეს სოფელი,
ჩემი ყოფის დასასრული,
სასტიკი და უღმობელი.

გიუს ვუწოდებ ჩიკს. რომელმაც
დააღწია თავი შახის
და საყენის ასა ყრეთად
ისევ იქით მიქახელებს.

იციოდე რომ დიდების ხმა
ასე რომ ჰქონს: თასფერად,
სხვა რა არის. თო არ ზოლოდ
ცარიელი ხმა და ბგერა!

ოცნებაზე ჩემს ნუ დაძრავ,
ქარგად იყინობ ხალხს მედროვეს;
პოეზიის პირშო შვილებს;
თუ რა ხვედრით აჩილოდვენს:

იმ ქვეყნისა აღარა ხარ?
არაფირი შეგიტყვია?
პოეზიის თავი არ გვეყავს,
გულს ახალის ცხელი ტყვია.

ვინ არ იცნობს პუშკინს, პუშკინს
ვინ არ აქებს, არ აღიდებს,
მოლიველივი მისი ლექსი
მოფენილია კიდით-კიდეს.

თვით ქალაქსაც უხაროდა
დაეკარგა სპეტაკობა,
ოლონდ პუშკინს აღებეჭდა
ზედ თავისი სიტყვის წყობა.

მისი სიტყვის ცისარტყელა
ველებოდა მთებს და სერებს,
ფარშეევანგის ბოლოსავით
გამოსცემდა ნაირფერებს.

ლომონოსოვს უთბრეს: შენ ხარ
სადარბაზოდ ლექსთა ბაში!
პუშკინი კი საბოლოოდ
მტკიცედ დარჩა ამ დარბაზში.

დერეფაინმა პოეზიის
სასახლეში ჰპოვა ბინა,
მაგრამ ყველას პირველობა
კვლავ პუშკინმა აგრობინა.

ქარამზინმა ცოდნის ღვინით
ამოავსო მზის სასმისი,
პუშკინმა კი მთლად ძირამდე
გამოსცალა ჭიქა მისი.

იგი ყველგან განთქმულია,
მისი ქება აღწევს ცამდე-
როგორც რუსთა მეუღება
სათათრეთით ჩინეთამდე.

როგორც დიად აღმოსავლეთს
სწამს ნამგალა ნორჩი მთვარე,
ისე ვპერეტდით ჩრდილოს ცაზე
ჩვენც პუშკინის ჭკვიან თვალებს.

შვიდ ცასა და ოთხ სტიქიას
არ ჰყოლია გერედ შვილი —
პუშკინივით გონიერი,
შაღლიანი, დალოცვილი.

ეხლა მითხარ, ის შრომელი
ჩაითვლება ვაცურ ვაცად,
ვინც ვასწირა გენიოსი
ასე უღვთოდ, ასე მკაცრად?
სასიკვდილო ისარი ჰკრეს
მის ძარღვიან ქველ სხეულს,
და გულშევიდად დაჰყურებენ
უმანყო სისხლს, ძირს დანთხეულს.

შეგ ღრუბელმა სეტყვა შეჰყარა,
მოაფინა სწრაფად ჩრდილო
და სიკოცხლის ხის ნაყოფი
ჩამოაგდო სასიკვდილოდ.

სიკვდილითის ქარაშოტმა
შეარყია ირგვლივ მთანი,
ჩააქრო და ჩაანავლა
მისი სულის ჩირადნანი.

ხანდაზმულმა მეწალოკოტემ
მოიქნია ბასრი ცული,
ძირიანად გადასხიბა
ვარდი, ტოტზე ამოსულა.

მისი თავი — სიგანძური —
ბრძნულ სიტყვებს რომ სთლიდა, ჰკვეთდა
მწარე ბედის გინაჩენით
გველის ბუდედ გადაეკეთდა.

მისი გული — ვარდის ბურკო —
ჟვეთ-იქით სუნს რომ ჰფენდა,
დაიფერფლა და ეხლა იქ
ნარ-ეკალი აღმოცენდა.

მისი სულის ჩიტუნია
ამოფრინდა ყაფაზიდან
ხნიერა და ახალგაზრდამ
მწუხარება ერთად ზიდა.

გმინავს მიწა რუსეთისა,
ჰგოდებს ხშითა დამდაღველით
— ჭალთების წმინდა მსხვერპლო,
შენ დაეცი მტრების ხელით!

შენ სიმართლის თლისმამაც
ვერ გიშველა ვერ დაგიხსნა.
და ჭალოქარ ბედისწერამ
დაგატეხა მიძიმე რისხვა.

შენ დასტოვე მეგობრები,
გაჟგზავერე საღდაც შორეთს.
დაე ზეცამ გიმეგობროს,
მევეუარო სულის სწორებს.

ბალჩისარის შადრევანი
შენი ვარდის ნექტრის ნობათს
გაზაფხულის სიოთ გაფრქვევს
უკვდავ ნემტის შესაძობად.

და ჭალარა კავკასია
კრძალვითა და მოწიწებით
მწირ საბუხის ლექსით გლოვობს
შენს უღროოდ დამიწებას.

ԳՐԱԴԱՐԱՆ

ՄԱՆԿԱՆ ԱՌԹԻՎ

Ես իմ աչքերից քունը վանեցի գիշերը երկար.

— Սիրտ, գաղտնիքների մարգարիտների աղբյուր վշտահար,

Ինչու չի երգում քո պերճ պարտեզում սոխակը կրկին,

Ինչու է լռել թուփակը սիրուն ու քաղցրաբարբառ,

Ինչու է փակել քանաստեղծության, խոսքի քո ճամբան,

Ինչու կանգ առավ երազանքներիդ սուրհանդակը հար:

Նայիր քո շուրջը— գարուն է արդեն— հանց մատաղ կույսեր
Մաղկունքը ծուփ-ծուփ ու հազարերանգ փովել են վառ-վառ:

Դաշտերով վազող առվի ափերն են մանուշակազարդ,
Հովիտում վարդն է հուր կոկոններով բողբոջել պայծառ

Հանց հավերժահարս. լեռնայանջերը ծաղիկներն իրենց,
Ինչպես գոհարներ մաղել են՝ նրան զուգելու համար:

Դալար ոստերից կանաչ մի թագ է դրել իր գլխին
Մառերի արթան, խոյացած դեպ վեր, դեպ երկնակամար:

Սուսան- սումբուլներ կանաչ թասերով խմում են կում-կում
Արևաճաճանչ, մուգ մեղրագինին, այնքան կենարար:

Յասամաններով այնքան շքեղ է դաշտը պըճնվել,
Որ պղտորվել են բերկրուն նարգիզի աչքերը անմար:

Թե ականջ անես՝ վարդենիների թփերի միջից՝
Կլսես քնքույշ ձայնը սոխակի.— դու բարով եկար:

Ամպը պատրաստ է ոսկեթոն անձրև այգում ցողելու,
Ջուլալ զեփյուռը՝ բուրմունք ցանկելու անուշ, քնքշաբար:

Մեղմիկ դայլալով հավթերն են շրշում իրենց նազելուն.
— Քաշիր քո դեմքից սև քողը հողի սիրեկան իմ յար:

Ձեռներս լի են. սրտներս ուրախ— բնութիւն այս մեծ
Տոնալաճառին ինչ չկա, ապա, անուշ, քեզ համար:

Մեկը փայլում է իր գեղեցկութեամբ, հրապուրներով,
Մյուսը միմոնչ հառաչով հայտնում սերն իր խանդավառ,

Բոլորը խինդով լույս վայրկյաններ են զեղում սիրալից,
Բոլորը վշտից հեռու հրճվում են, փայփայլում իրար:

Լոկ դու ես, սիրտ իմ, մեծ ուրախութեանն այս անմաս մնում,
Լոկ դու ես պարանան զվարթ զարթոթիքն տխուր, դալկահար,

Լոկ դու ես ահա անսեր ու անհույս, անիղձ ու անխոհ
Երջում, դեգերում՝ հեռու փառքերից, բաղձանքներից վառ:

Ասա ինձ, միթե սիրտը չես դու այն, որ հանուն երգի
Մտքի մրրկահուլզ ծովերն էր սուզվում անտես, աննշմար:

Դու սիրունների վզնոցներ էիր բառերից հյուսում
Եվ նուրբ մանյակներ շողշողում, որպէս և լալ, և գոհար:

Արդ որտեղից են տխրութիւնն այս խոր, թախիծն անասման,
Այս հառաչները, այս արցունքները անկեղծ, անկաշառ:

Եվ սիրտս ասաց.— Հէյ, իմ մենավոր սզավոր ընկեր,
Դու թող ինձ մենակ իմ վշտերի հետ այս դառ, թունախառ:

Ես շգիտեի, որ այս ծաղկավճուռ մարգագեղտի մեջ
Մայիսյան հովի վերջում կշաւն աշնան հողը շար:

Թե իմանայի, խոսքի նմույսը ես կթամքի,
Եվ կարշավիի դեպի մարտադաշտ հանց հուր հողմավար:

Պարզ է մանն ինչ, շարշարանքներով լի է վերջը մեր,
Եվ չկա հույսի մի նշույլ անգամ մեր զարում այս քար:

Խննթ է թուշունն այն, որը մի անգամ ցանցից ազատված,
Երկրորդ անգամ է վանդակը մտնում՝ հատիկի համար:

Եվ ես լալ գիտեմ, թե ինչ է փառքը— մի սին արձագանք,
Որ ձայներից է հյուսվում կամարի այս անհաստատ, մառ:

Պայծառ պատրանքներ դու մի փայփայլի— օրհասը դժեի
Խափանելու է տենչերդ բոլոր, ցրելու իսպառ:

Ով դու, աշխարհից անգիտակ էակ, միթե չես լսել
Խոսքի զորավար Պուշկինի մասին այն մեծաքանքար,

Պուշկինի, որի խաղաղուհուն երգի դայլալները նուրբ
Նվաճել էին և փառք, և համբավ աշխարհում արար,

Պուշկինի, որի գրչից սիրով էր թուղթը սկանում,
Ճերմակ էջերին առնելով անմահ տողեր շարնշար:

Նրա խոհերում, հանց սիրամարզի շորորուն քայլերում,
Լույս նախշեր էին հյուսվում խոսքերից հնչուն, ոսկերատ:

Լռմեռտովը գեղազարգել է տունը հանճարի—
Բնակութիւն է հաստատել այնտեղ Պուշկինի իղձը վառ:

Նա— Դերմավիւր բանաստեղծութեան հողը նվաճեց,
Բայց տիրակալը այդ հողի եղավ Պուշկինը հանճար:

Նա— Կարամզինը գիտութեան գինով գավաթը լցրեց,
Պուշկինը ըմպեց ոսկե գավաթի գինին կենարար:

Արքայի նման մեծ Չինաստանից մինչև Թաթարիա,
Սվկիան հանճարով տարածվել է նա հարթ, արքայարար:

Հզոր խոհերով նա սիրելի էր հյուսիսին այնպէս,
Ինչպես լուսնյակն է մտառդ սիրելի արևելքի զառ:

Դեռ մինչև այսօր այնպէս սրամիտ, այնպէս քանքարով
Որդի շեն ծնել բնութիւնն բոլոր տարերքներն անճառ:

Այժմ ուշադիր ոնկ գիր ինձ, լսիր անհուն զարմանքով
Այդ մեծ հանճարի որդուն տանգել են, խոցել անդադար:

Մահվան նետի են արձակել նրա սրտին արծվենի,
Կյանքի լուսեղեն թևերը փռել է շարահնդարար:

Չարիքը դժնի սև-սև ամպերից սև կարկուտ տեղաց
Եվ նրա կյանքի պտուղները վառ արավ գետնահար:

Ոխակալութեան հողոր հանցքերը կանխելը հոգու,
Մարմինը նրա սնացավ, որպէս գիշերը խալար:

Ռուս ժողովրդի պարտեզում բսած մի ճուղ դայարուն
Ջահել հասակով տապալվեց գետնին, զարկված կացնից շար:

Գուլբը նրա, որ նուրբ մտքերի շտեմարանն էր—
Սծահար եղած, դարձավ օձերի սպաստարան մառ:

Եվ վարդանման սրտից, ուր հավետ հրաշք հանճարի
Մոխակն էր երգում— արդ տատասկներ են բսնում տոթահար:

Իր կրծքի քնից, որպէս մի թուշուն սլացավ հողին,
Թե ծեր, թե մանուկ— բոլորը հանկարծ եղան վշտահար:

Լայն Ռուսաստանը բացականչում է վշտով— հառաչքով.
— Որդիս, զարկվեցիր ավաղակների ձեռքում շարարար:

Եվ քեզ շփրկեց ճակատագրի— այս սև կախարդի
Շղթաներից սառ— թախամանը քո վեհ ու փրկարար:

Քեզ, որ հեռացար քո այն սրտագին բարեկամներից,
ես օրհնութիւն եմ բարբառում սիրով ու եղբայրաբար:

Քեզ, գարնանագեղ Բախչիսարայի շատրվանը լույս
Ալվան վարզեր է ճամբում՝ շիրիմիդ բօւրելու համար:

Զյունավարս ու ծեր Կովկասը զնգուն քո նվագների
Պատասխանում է Սարուհու երգով թախծոտ, վշտալար:

Ա. Շ. ՈՒՄԻՆԵ

ՅԼՄԻՆԵ

Укы гелмән гөзүме, акяр гижәниң салы,
Йүрегиме бердим мен ине шейле совалы:

Нә себәпден багыңда шейда билбил сайранок?
Нә себәпден тоты гуш, дымдың бу гүн лал ялы.

Нә себәпден кесилди сениң ширин айдымың,
Нә себәпден багланды арзувларың гиң ёлы?

Бахар гелди, гөрсене, мейдан гөйә жуван гыз,
Мүң дурли гүл дөшүнде, ялбырап дур жемалы.

Кенарында чешмелең чеменлер гөк өвүсйәр,
Өвшүн атыр гунчалар, дийсең ажап сабалы.

Чөлүң жуван гелниниң ине ажап шай—сепи,
Кесе дагың этеги гөвхер гүллерден долы.

Гөк агачлар башына гүлден жыга санжыпдыр,
Гөк отларың, чеменлең патышасы мысалы.

Майданың гүл-ләлеси япраклаң ак чыгыны
Ичйәр шолаң саглыгна, гутлаян дек бу халы.

Баксаң, гөзүң гамашяр гөзеллигне сәхраның,
Ясеменден читилен гөйә ажап бир халы.

«Хош гелдиңиз бахара» диййәр шейда билбилем,
Чүңкүнде гүл япрагы, дили ширин сеналы.

Ягжак болуп чемене, көвленип йөр ак булут,
Мәхир билен сыпаяр оны сәхер шемалы.

Гушлар сәхер сайраяр шейле нәзик сес билен:
Галдырсана башыңы, ериң сахужемалы.

Хер өсүмлик биз үчүн гетириндир совгады,
Бардыр олаң херсиниң айры-айры зүлалы.

Бири гөвүн хошуны беян эдйәр мукамда,
Айдар кәси «ах» чекип калбындакы хыялы.

Хесретлерден арасын ачыпдырлар хеммелер,
Гечирйәрлер вагтыны олар зовкы—сапалы.

Я сен эхли шатлыкдан махрум болуп, йүрегим,
Оянмага укудан ёкмы гөврәң межалы?

Не бир сенде хөвөс бар, не бир сенде арзув бар,
Шөхратлардан, шыгырдан араң узакда хәли.

Сен шол йүрек дәлмисиң, гошгы үчин гөзлөйән
Деңзе гирип гөвхери, асмандан айжемалы.

Гөзел гызлаң васпыны эдипдиң сен бир заман,
Дийип гашы сүрмели, алма яңакда халы.

Нәме үчин сен бу гүн өнки ялы жошмаяң?
Етди ничик хесретиң, ничик лердиң зовалы?

Жогап берди йүрегим: Эй, мең ялһыз ёлдашым,
Өз гүнүме гой мени, берме бейле совалы.

Билмесе-де бахарың гөзеллери, гүллери,
Билийэри мөн гүйз гүни гелйәр чигрек ховалы.

Эсгерине поэзияң дил ярагын бердим мен,
Бу сөвөшде, бу жеңде шөхрат газанар ялы.

Йөне велик, билийән мен, бу яланчы дүйәмиз
Барып ятан мекирдир, говгалыдыр—говгалы.

Гөзи билеп дузагы гөрүп, дәне чокмага
Барян гушлар самсыкдыр, ёкдур аклы-кемалы.

Батырларың награсы, шөхратларың шовхуны
Гөгүң гүммүрдисинден дәлдир шейле ыбалы.

Айтма маңа, билийэри дөврүң ақылдарларың
Чекйән агыр жебрини, гүн гөрөнөк сапалы.

Эшденөкмы сен эйсем шыгырларың сердары
Бейик Пушкини барада, ничик онуң ыкбалы?

Алы белли шол Пушкин бүтин дүйәнәң йүзүнде
Тарыпланып гелйәрди шыгыр зыып угралы.

Арзув этди хемнише, арзув этди ак кагыз
Шол Пушкиниң элинден болсам дийип сыялы.

Муң бир дүрли өвүсйән тавусдан-да гөзөлдир,
Сетир билен, сөз билен докан овадан шалы.

Ломоносов тимарлап шыгыр көшгүн безесе,
Пушкин онда көшк гурды шейле ажап биналы.

Поэзияның мүлкүни дөрөтесе-де Державин,
Диңе Пушкин шол мүлки безәп гойды мазалы.

Жама гуйса Карамзин ақылларың шерабын,
Пушкин ичди шол жама, зат гоймады новалы.

Николайың адыны татардыр Чин эшитсе,
Эшитди оң адыны бүтин дүйәнәң или.

Пушкин Демиргазыгың иң ақылдар перзенти,
Гүногарың гөвхери, тәзе доган хыталы.

Еди ата, дөрт эне догурмандыр шиндилер
Онуң ялы пәлваны, бейле Рустем Залы.

Инди эшит сөзүми, шол аталар, эзелер
Оңа сүтем этдилер, өмүр йитмез ызалы.

Этди олар нышана оны өлүм окуна,
Өлди, шоләң бойнуна галды онуң вебалы.

Гара булдуң асмандан гачан бирже долусы
Эмри билен шоларың ятырды палач ялы.

Евуз тупан өчүрди онуң өмүр чырасын,
Оңа етди сәхел ер-екеже гулач ялы.

Гожа багбан чемене айлап салды палтасын,
Шол ажайып дарагтын шейдиң омурулды били.

Онуң белент башыны—ақыл хазынасыны
Зәхерледи заманаң гара йүрек бет пәли.

Генисине гүйч берен гунча дейин йүрегин
Мынжыратды, оң ери демир дикенден долы.

Учуп гитди жаң гушы, матам тутуп аглаяр.
Дүйөн оглан—ушагы, дүйөң эркек—аялы.

Өлди-дийип—ол ынсан бир желладың элинден,
Күлли рус аглаяр, акяр гөзден ган сили.

Халас эдебилмеди өз дөреден тумарың,
Жадыгөйиң жадысы евуз экен нэхили.

Бу ердәки достлаңдан сени айра салдылар,
Хемра болсун ол ерде гөгүң реббим Желили.

Ики гүлүң ысыны гөзел Бахжасарайдан
Губурыңа гетирер хер бахарың шемалы.

Эшдип ажы хабары, шыгры билен Сабухиң
Гожа Кавказ яс тутяр, йүрек—багры ызалы.

دروقات شڪين
اس نپوشڪين

نداده دیده بخواب نوشته در شب تار
بگفتی بدل ای کان گوهر اسرار
چه شد که بلبل گلزارت از نواماده
چه شد که طوطی نطقت نمیکند گفشار
چه شد که راه سخنچیت شد دمسدود
چه شد که پیک خیالت بماند از قنار
بهار آمد و مان هر یک از بنات نبات
جمال خویش بار ایشی کند اظهار

برسم تحفه خوش آمد کنان برببل
بسیار ان ورق گل گرفت در مشقار
با پاشی گلشن سحاب بسته کمر
نسیم صبح به عطیر او شده عطار
بصوت نغمه سحر که نواست بطور
که از نقاب تراب ای نگار سبزه سر آ
هر آنچه هست تهیدست نیست از بهتری
زهر که ام متاعیست اندرین بازار
یکی سخن دلاویز و عشوه جلوه گرا
یکی بناله کند عشقبار زین شاعر

بنفشه زار شده اطراف جویبار چمن
شکفت غنچه ناری بگلبن گلزار
عروس دشت مزین و راز بهر نثار
پراز جواهر از ناز دامن کسار
نهاده تاج شکوفه تبارک اندر باغ
نشسته خسرو اشجار با کمال وقار
سران سوسن و زنبق بشادیش نوشند
شراب زاله زاقدرح لاله با تکرار
چنان زیا من آراسته است بزم چمن
که خیره از نگمش چشم ز کس خمار

کنون ندانمت آفر ملولیت ز کجاست
کنون چرانی چو ماتم زده غمین و فکار
جواب داد که ای مونسم به تنهائی
مرا در گرس از این در مدار خود بگذار
چو شاهدان چین من هم ازند استم
که بست باد خزان از پی نسیم بهار
بدان به تیغ زبان قامت سوار سخن
ز بهر نام بیار استم درین پیکار
ولی مرانده معلوم بیوفائی دهر
مال عاقبت خویش و جور آن غدار

همه بذوق و طرب وقت خوشی مسکنند
و دواع کرده در این حال با الکیار
مگر تو کز فرح و شور بی نصیب شده
ز خواب خامشی ای دل نمی شوی بیدار
نه در دولت بهوسی نی بسرهوی کسی
زمین ناموری و خیال شعر کنار
مگر نبی تو همان دل که چین غوطه وری
به بحر فکری نظم چون در شهوار
بزار دختر معنی طرفه را دادی
از آن لالی منظومه زیور گفتار

چه پوشکین که کاغذ شدی سپهر روزان
که کاش خاکنه ویرافتد بروش گذار
خیال داشت بهر گردش آچون طایس
هزار نقش غریب از سخن شد نمودار
بحسن طبع بیار است بیت نظم لومو-
نوسوف خیال وی آنجا گرفت استقرار
اگر چه ملک سخن گرفت دیر ز او
بحکم رانی و نظمش ولی شد او مختار
قرمزین ارمی عرفان بکر در جامی
ولی بخورد وی آن می ز کاسه شراب

نه بخردیست ز مرغی که دیده دایم چشم
برای دانه او باز میخورد و تیسار
صدای شهرت و او از ده هنر تو بدان
مثال توف درین جوف گنبد دوار
مگو خیال دگر دانم آنکه بر اهلش
چگونه اجر و پداین سپهر کوفتار
مگر تو ای پنجه ز جهان نبشند
ز پوشکین بخیل ستخوان سالار
چه پوشکین که بهنگام نکته پرورش
صدای مدح ز هر گوشه خاستی صد بار

بیک تگرگ سحاب سیاه روان کند
 با مرستان درخت حیات او را بار
 چراغ روح و را کرد تند باد اهل
 خموش و ساخت شبتان جسم او را تا
 به تیشه ستم این باغبان پر برید
 نهال نورس قدش ز صحن این گلزار
 سرش که مخزن گنج معانی دل بود
 زد و در مار طبیعت بگشت خانه مار
 دلی چو غنچه که میخواند بلبل طبعش
 هستی اش بزده سکه کون خاکش خار

گرفت شهت فضلش جهان بدان گونه
 که شوکت نیکولای از خطای تا تا تا
 مشار بود با نگشت در فضای شمال
 چنانکه مشرفی از است ماه تا مشاء
 پسر نفهم چنان و پسر بطبع چنین
 ز بهفت اب نبرائید بود مادرجار
 کنون ز من به تعجب شنو که این بوین
 نداشتند ز بی مهر مر اورا عار
 به تیر مرگ وجودش نشانه بنمودند
 ز روزگار وی آورده صد دریغ دما

ز ملک باغچہ سب ابوی عطر از آن دو گلست
دہد بنجاک تو فوارہ بانسیم بہار
با شعر تو پیر سفید مو قفقاز
بشعرای صبحی ترست ماتدار

پرید مرغ روشنش آشیان بدن
بگردانیں الم جسمہ صغار و کبار
زمین روشن بیا سوز حزن کند نوحہ
کہ ای قتیل ز دست قنول بہ کردار
ترا نکر و خلاص آن طلسم تو حتی
ز شر سحری این عجز جادو کار
زد و ستان زمینی چو دور افتادی
در آسمان ترا باد رحمت حق تبار

A. S. PUŠKINUI
MIRUS

Nesumerkliau akių aš gūdybėj nakties,
Klausinėjau karštai slėpiningos širdies,
Ko lakštingalos jau nesigirdi dainų?
Ko nutilo plepi papūga be vilties?
Ko pasibaigė kelias tavųjų eilių?
Kur svajonė—šauklis nuostabios atetties?
Jau pavasaris, kiek čia pražydo gėlių!
Jos margasias lankas lyg kilimais užtties.
Jau žibutém llopsnoja upelių krantai.
Skleisti pumpurus rožės netrukus pradės!
Stepė—nuotaka puošias, pavasaris jau
Berla žiedus nuo kriaušių, kalnų papėdės.
Tarsi šachas pasipuošė medžiai sode,
Apsirėdė gražiaisiais vainikais žiedų.
Į sveikatą jų geria lelijų būrys
Iš laurelių—iš tulpių baltų.
O narcizui apsvaigo, palinko galva
Nuo jazmino dvelkimų karštų.
Net lakštingalos grožisi rožių žiedais,
Pilni gojai skardžių jų gaidų.
Debesis pasiruošęs gėles apšlakstyt,
Jį atvaro uvejpelis létai iš pietų.

Vos aušrinė pakyla, nudažo rytus,
Tuoį paukšteltai pakirdę pragysta saldžiai.
Ir paskatina skleistis, žydėti sodus.
Čia puikuojaasi, klesti visi augalai,
Neša grožio prekyvietén savo turtus.
Vienas mielas kvapu ar gražiu drabužiu,
Kitas mielas, kad žydi, vešėja skaitus.

Jie visi vien tik džiaugias, kad šilta, gražu,
Ir pamiršta sunktuosius metus.

Tai kodėl gi nuliūdus gedi tu viena,
Negali atitokti, širdie vargana?
Ko be norų krūtinė, galva be minčių,
Kur aištra ir jos draugės—šlovė ir daina?
Ar ne tu tarai deimantus varstai rimas
Ir buvai tarai taurė minčių sklindina?
Ar ne tu gi išnardei svajonių marias
Ir grįžai, tarai perlats dainom nešina?
Į posmus tu suvarstai tyrąsias mintis,
Kas eilutė, kas rimas—tikra gražmena!
O dabar nežinau, ko taip graudžiai verkti,
Ko gedi, sielvartauji liūdna?

—Tu paliki mane—taip širdis tarė man.
—Man mielesnė dabar nuošalt vienuma.
Aš tik šiol nežinojau, kaip pievu žiedai,
Kad po vasaros eina ruduo ir žiema.
Nors poezija žodžių mojuoja kardais,
Ant eilučių garbingon kovon įodama,
Troškimus mano žlugdo žiauri epocha,
Jos klatinga, juoda giudama.
Sukvallioja tik pauketė, pamačius pinkles,
Dėl grūdello tinklan išdama.
Reikalinga lyg žaibas, griaudžias danguje,
Man garbės ir šlovės aukštuma.
Aš žinau, kuo atlygina ši epocha,
Tad geriau mums tylą, ramumą.

Tai nejaugi, širdie, nepažįstama tu
Dar su Puškina—dainų vadu?
Per pasaulį nugriaudė jo posmų šlovė,
Ir gėrėjosi žmonės po to vardu.
Baltas popieris laukė, kada jo mintis,
Pasilites žodžių srautalis, eilių verpetu.
Jo svaja tarai povo raibai apdarai
Su grožiu ir mintim susiliejo kartu.

Lomonosovas išpuošė rimų namus,
Bet tip Puškino ten įsikūrė svaja.

Nors Deržavinas užėmė rimų kraštus,
Viešpatavo tik Puškinas jo šalyje.
Karamzinas pripildė vynu bokalus,
Bet išgėrė juos Puškinas ten puotoje.
Nikolajus tik Azijoje buvo garsus,
Didį Puškina garbstė visa žmonija.
Tarsi jauną mėnulį jį gerbia rytai,
Jo buklumas garsus šlaurėje.

Keturių galvalų, septintųjų dausų
Pagimdytas jis džiaugsmui ir laimei visų.
Bet nustebsi, kokia nedora ir pikta
Šių aukštųjų gimdytojų buvo ranka.
Savo mirtinai strėlei parinko jie jį,
Jo gyvybę lyg siūlą nutraukė staiga.
Medžio vaisių nukrito, nukritus ūmai
Į pat širdi krušos kruopelytė—kulka.
Užgesino jo šviesą, užėjus audra,
Ir užplūdo pasaulį tamsybės banga.
Ižūlisus kirtėjas pamojo kirviliu,
Ir nuo smūgio nusvira žieduota šaka.
Šioj gyvačių epochoj gyvačių lizdu
Pasidarė jo kūnas, jo sielos danga.
Jo krūtinėj erškėčio sužėlė spygliai,
Kur lakštingalos plito žavinga šneka.
Jo dvasia tarai paukštė nuskrido tolyn,
Ir sudrebo, pravirko visa aplinka.

Krito Puškinas. Rusų girdžioji tauta.
Skęsta siel varte, aldi aplinkui rauda.
Neapgyne gyvybės eilučių šarvai,
Ir įvyko nelaimė, baistoji skriauda.
Pas Alachą nėjo į aukštas dausas,
Nematys jo draugai, nesutiks niekada.
Kapą Bachčisarajaus gėlynai apdvelks
Lyg kvapnuis fontanes ramybe šventa.

Sužinojęs Kaukazaras pražilo ūmai.
Gedulinga Sabuchi rauda jam skirta.

A. S. P U Š K I N A
N Ā V E

Bez miega un valguma plakstos, es sēdēju naktī bārs
Un valcāju sirdij: jēl saki, mans slēptako dārgumu dārzs, —

Kādēļ vaivs cīruļi nedzied cerību zilgmajos tavos?

Kādēļ vaivs nečalo līksmi prieka un jautrības avots?

Kādēļ tev atzgruvīs pēkšņi uz dzejas strūklakām taks?

Kādēļ tev ilgām un sapņiem lidojums kļuvis tik smags?

Skattes—jau ziedoņa krasās pļavas un ielejas pošas,

Atzaļo lapotne kokiem, kalnus klāj sedzenes košas.

Strautmaļā kreimenes kautri klausās, ko vilnis tam teic,
Rozes no pumpuriem raisās, liesmojot rītausmu sveic.

Stepe kā līgava jauna rotājas auglības dāsnūmam,
Pakaļi kroni visgreznāko apvij tās ieleju krāšņūmam.

Koki uz kuplajām galvām ziedatnas cepures liek;
Dažiem tās zilas vai sārtas, citiem tik baltas kā sniegs.

Tulpes ar ziedlapu kausiem rasu visdzidrāko smeļ,
Zemei par godu tos tukšo, saulei par prieku tos ceļ.

Dārzi un magoņu lauki jasmīnu kupenas slīkst,
Narcisēm reibušās galvas liliju paklāja līkst.

„Mielastā ļaipni lūdzami” — aicina lakstīgala.
Rožlāpā slaukot knābi, tā dziesmu visapkārt dala.

Makonis plebriest ar valgmi un apslakā ziedošo arī,
Vēji vāc smaržu klēpjus un aiznes kalnienē pāri.

Rītos, kad sārtojas ausma, pazarēs putni dzied,
Aicinot zeļmeni mosties, saucot, lai zaļo ik dziets.

Ir sava velte ik zugam, ik dzīvībai ir savs zieds,
Ko māmuļas dabas svētkos tie kopēja cienastā sniedz.

Vienam—viskošākas krāsas, otram—pilns nektara kauss;
Trešais visjaukākās smaržas klusībā leļpot ļaus.

Visi te priecājas liksmi, gaviļē, bauda un dej;
Skumijas un sāpes ticm svešas, bēdām tie vaigā smeļ.

Vienīgi tu rā: bez prieka uz ziedona svētkiem, sirds.
Vai tiesām tu nespēj vairs mosties no sapņa visdrūmākā,

sirds?

Jā, nav tevi tiešām vairs alku, un domu man galvā vairs

nav;
Nav dziņas pēc dzejnieka laurīem, kas pieri reiz
vārdu
skaut.

Vai tiešām, sirds mana, vairs neesi tā-tu,
Kas gromdēšas domās ik brīdī, lai krātu

Vārdus kā perles, tos nebeldzot slājt,
Rindu pēc rindas ievijot vijā?

Saki jel, kādēļ tik skumja tu kļuvusi,

It kā uz mūžu sev sēras nu guvusi?

Teicā tad sirds: Ak mans vientuļo vākaru draugs!
Lauj aizmirstības mauram ap maniem cerībū vārtiem augt!

Vilusies esmu es gluži kā pukē, kā zieds; kuram vasara—
mūžs;
Nejauš tas rītu, kad nežēlīgs rudešs salnu jau ziedlāpas
pus.

Dzejnieka slava! reiz spūļgoja viss maņās spalvas spožums,
Dzejnieka slava! bij sakrāts viss maņu vārdu kožums.

Pekšņi māt atvēras acis un redzu, ak! redzu ar baismu.
Ka velti šai tumsāja laikā cerēt uz taisnības gaismu.

Bezprātis būtu tas putns, kas, pazīdams viltīgā sprostū,
Tomēr pēc grauda tur sniegtos, zinot, ka draud tas ar
postu.

Kas gan ir slava, ko skandē vareno glaimības vards?
Ta ir kā pērkons, kas bieži ar navigu zibenī dārd.

Nevalcā man vairs par dzeju. Rugtums liek dziesmai klusēt.
Es zinu, ka apbalvo laikmets dzejniekus dzimtajā pusē.

Vai tiesām tu neesi dzirdējis, kauču jel paretam vārsmas
uzšķinot,

Par mūsloiku dzejnieku Helāko, vārda meistaru Pušķinu?

Par Pušķinū dīžo, kam slava par zemi kā viesulis skrēja,
Kad viņš savas dimdosās rindas ar genija roku sēja.

Par Pušķinū to, kura priekšā ik papra lapa balta
Vēlejas rakstīta kļūt un zibostem vārdiem kalta.

Tam iztēlē bija tāds miltzums krāsu, skaņu un jūtu,
Cik cilvēkiem prieka un sāpju, laimes un bēdu grūtu.

Lomonosovs bij Krievzemes dzejai tempļi visgreznāko
cirtis,

Pušķins tai telika krūtīs dzīvības liesmalno sirdi.

Dzejas valstībā kronī domājas turam Deržavins,
Tomēr vien Pušķins kļuva dzejas valdnieks slavens.

Karamzins dzejas kausā zintbu vīnu teļa,
Tomēr šo kausu izdzert vienīgi Pušķins spēja.

Krievijas ķelzaru zina tatars un mongoļu gans,
Bet Pušķina cildēnā slava pasaulē pārlī skan.

Ar prāta gaismību ceļu viņš, mīļots ziemeļu dēls,
Kā mēness šķēļ tumsības naktī un taltālu austrumos kvēl.

Tik fantiģis spēkadēls Zemei nav dzimis jau sen jo sen,
Kopš esnus aiz sejeja soļiem tā dāsnī ik vasarū dzen.

Un tagad tu brīnīsies ļoti, kad teikšu, cik gadsimts šis
jauns

Bija pret dzejnieku cēlo, kas ausa kā sprdekāls jauns.

Indīgu bultu tam sirdī raidīja ļaundaru pirksts,
Nāves aizcirsta tika dzejnieka dzīvības dzirksts.

Trāpīja krūts viens vienīgs ļaunuma krusas grauds,—
Un cilvēcei laupīts tika tik daudz, tik bezgala daudz!

Rītausmat naidīgā brāzma dzēsa tam dzīvības liesmu,
Aplūsa dzejnieka lūpas, izdzīsa pēdēja dziesma.

Dzejas viskrāšņāko ziedu, kādu vien cilvēce zina,
Pasaules vareno nīkņums pašā plaukumā mina.

Galva, kur gaišākās domas veldojas, dega un dzirkstīja
Guļ nu tik salta kā akmens; stīnguši darbīgie pirksti.

Rimusi pukstēt uz mūžiem sirds, kas pēc apvārsņiem
kalsa

Sirds, kas tam gēnija spārnus varenam lidienam ratīja.

Dzejnieka dvēsele—dziesma—paliek nu bāra skumstam,
Elpa mums aizžņaudzas sāpēs, debesis izliekas tumstam.

Krievzeme raud un sēro, krūts aug sašutums svēts:
Bendes un nēliesa rokas Puškīns ir nonāvēts!

Nespēja pasargāt tevi talanta talismans tavš,—
Spārnī šai drūmajā laikā pat gēnijam atļauti nav.

Talu nu esi no draugiem, kas piemīnās bīķeri dzer,
Viegli lai smiltāja klepi māmuja Zeme tev ver.

Ziedosu rožu pāris, strūklakas veldzēts un dzestrs,
Svaigāko ziedoņa elpu no Bahčisarajas tev nes.

Saņēmis bēdu vēsti, sēras viss Kaukāzs grīma,
Tad neizsakāmas sāpēs šis Sabuļi rīndas dzīma.

AA MOAPTA AYU

A. C. JULY JULY JULY JULY

Де веге стам ын ноаптя 'нтунекатэ
Шя инима-мь ынчет мь-ам ынтребат-о:

«Де че ну кынць? Де че ешь амэрытэ?
Де че ай амуцит аша де одатэ?

Де че ць-е друму 'нкис спре поезие
Ши уша спре висэрь ць-е ферекатэ?

Привеште: примэвара е стэпынэ
Ши орьче флоаре-й звелтэ ка о фатэ.

Де-атытя флорь ыс лунчиле пестрице —
Ковозаре де мэтасе 'ноуратэ.

Миряса-привэварэ 'и дар примеште
Тезаурул де флорь дин цара тоатэ.

Яр помий 'нкунунаць ку флорь суаве
Стау ка 'мпэраць ын мижлокул грэдиний.

Ын чинстя лор дин купе де лалеле
Бяу роуэ мачий стакожий ши криший.

Нарчисул стэ привинд ла ясомие
Ши-й бят де албул ей ши ал луминий.

Ка семн де «буи венит» приьигетоаря
А принс ын плиск петале ка рубиний.

Ун ноур плин де плоае лин плутеште —
Е дус де вынт спре зариштя колиней.

Ын зорь де зиуэ пэсэриле кямэ
Ла соаре, вяцэ, ербуриле глней.

Ши фиекаре фиричел апаре
Аша кум е, ка дар ал букурней.

Ла ярмарокул вещей вине унул
Ку фрумусеця-й ши кокетэрия-й.

Яр алтул ку юбуре ши суспине —
Ши тот че-й вну е'н воя веселней.

Ау, инимэ де букурый уйтатэ,
Ну поць сэ те трезешть, сэ-ць вий ын фире?

Нимик ну те ынкынтэ, ну те-атраже?
Нич пасиунь, нич стихурь, нич юбуре?

Ау н'ай стринс версуре ка мэргэритаре
Ын мэрь де гындурь ку ынсуфлещире?

Ту 'млодобит-ай медитэрь профунде
Ку компараций, строфе, стрэлучире.

Ши-акум ну штиу, де унде цэ-е тристеця?
Ши че деплынж ку лакримь де мэхирие?»

Ши инима-мь рэспунсе: «Драг приетен,
Дореск акум сингурэтате-амарэ.

Еу, ка ши-о симплэ флоаре, ну штиусем,
Кэ вынтурь речь алунгэ примэвара.

Дар поезией спада елоквенцей
И-ам дат сэ кучеряскэ слава ярэ.

Дар тотуш ширетликуриле вещей
Еу ле куноск ши еле мэ 'нфиорэ.

Е прост ачел, де штие че е лацул,
Дар пентру-о боабэ рискэ-а кыта оарэ.

Ши ларма, че адусэ е де слава,
Е згомот ван, е сярбэдэ фанфарэ.

Май бине тачь. Еу штиу кум тутурора
Плэтеште аспрул ностру вяк ши вяца.

Десигур аузит-ай ту де Пушкин:
Ын поэzie ел е стя мэряцэ;

Де Пушкин, де поестул слава кэруй
Прин лумя тоатэ а трекут семьяцэ;

Де Пушкин, деспре каре ерь хыртня
Виса ка ел өз скрие п-еа ей фацэ

Коморь де гындурь, склипитоаре версуре,
Ка 'н ноапте луминоасе констелаций!

Палатул поезией Ломоносов
Л-а ынфрумусецат ымпэрэтеште.

Дар висул де о вяцэ ал луй Пушкин
Ынтре перещий луй сэлэшуеште.

Державин кучерит-а поэзия,
Дар Пушкин ын ал ей меляг домнеште.

Яр Карамзин ын амфора штиничей
Турнат-а 'нделепчуня-й пэринтеште,

Дар ку несациу амфора ынтрагэ
Доар Пушкин пын'ла фунду-й о голеште.

Вестит е цару 'н цара са. Дар Пушкин —
Орьунде: слава-й сбоарэ ка ши вынтул.

Ын Ориент нь-е драгэ луна поуэ.
Ла Норд юбит е Пушкин ши кувинту-й.

Фечор дештепт ка ел, ку-аша таланте
Н'а май нэскут нич черул, нич пэмынтул.

Ши поате те-й мира, кынд еу цэ-ой спуне,
Кэ 'н цара луй л-ау фрынт фэрэ рушине.

Ел а фост цинта морций. Вай, че жале,
Кэ ну-й май курже сынжеле ын вине.

Ун глонц л-а доборыт дин помул вещей
Ши моартя-й стинсе ликэрул луминей.

Ши трупу-й вид де мареле сэу суфлет
Предат е морций, безней ей деплине.

Че круд е грединарул, каре тае
Копакул, че-й ку кренжь де флоаре плинне.

Ши краниул — тезаурул гындирий —
Е префэкут ын куйб де шерпъ ши-атыта;

Яр инима, ал кынтечелор лягэн,
Учисэ е, ку спинь е акоперитэ.

Ши суфлетул, ка пасэря дин куйбу-й,
Сбурэ. О луме-л плынэж-адынк мэхнитэ.

Пэмынтул рус пе Пушкин ыл деплынже:
«Епока л-а учис ку мь'на-й хьдэ...».

Ну те-ау салват де моарте, ынтунерик,
Нич версуриле тале кемэтоаре.

Ештэ смулс дингре приетень дражэ, дин луме, —
Аллах сэ-ць дя ын черурь алинаре.

Изворул дин Бахчисарай стропа-ва
Ла кэпэтыю-ць флорь ын ынсгаре.

А'нкэрунцит, с'а гырбовит Кауказул,
Приминд ачесте вешть сфышиетоаре.

Яр Сабухи, ку инима ын долиу,
Біць кынтэ-ун кынтэк трист де 'нмормынтаре!

А. С. ПУШКИН ДИНИ

ӨЛҮМҮНӨ

Көз ирмебей отуруп түндө таппай айламы,
Жүрөгүмө мен айттым: эй сырлардын майданы!

Гүлзарынын булбулу эмнеликтен таңшыбайт?
Тоту кушуң неликтен чечен сөздөн салбады?

Чабарманы оюңдун эмнеликтен чаалыкты?
Ырга барчу жолуңду эмнеликтен байлады?

Жаз келгенин карачы—жагалдантып жамалын
Кыз түспөлдүү жаңы өскөн өсүмдүктөр жайнады.

Гүл ачылып, тажысы чоктой болуп кызарат,
Бинапшага толуптур арыктардын жаң-жагы.

Чөл келини жасанат, тоолор ага берем деп
Асыл таштан жаралган гүлдөн белек камдады.

Бийик дарак башына тажы кийип гүлдөрдөн
Жыгачтардын шаасындай боюн керет ал дагы.

Соо болсун деп ал дарак башын ийип кызгалдак
Гүл чөйчөктөн шимирген шүүдүрүмгө капбады.

Табигаттын кучагы безениптир жасминге,
Кумар наркиз көп тиктеп эстен турат танганы.

«Кош келиңиз» айтам деп булбул белек беледеп,
Гүл тажысын тиштептир, күүгө толуп тандайы.

Суу бүркөм деп гүлзарга даяр турат булуттар,
Желнип өтөт аларды жыпардуу жел таңдагы.

Куштар назик үн менен таң атканда сайрашат:
Көркөм көктөм көтөрүл, бизге кулак сал дагы.

Ар бир гүлүн өзүнчө көркү бар да, баркы бар,
Бул базарга ар бири сулуулугун арнады.

Бири жайнап назданып, сулууланып суйкалса,
Да биринде сумсайган, назик сүйүү бар дагы.

Анын баары мезгилин өткөрүшүп шаттыкта,
Капалыкты көңүлдөн түбөлүккө айдады.

Эй жүрөгүм, сен өзүң кубанчыңан айрылып,
Ойгоңо албай калдыңбы тынч уйкуңан жайдагы.

Көңүлүм суз турамын, же башыма ой келбейт,
Жүрөгүмдү күүлөнтүп ырдын шыгы жанбады.

Чөмүлчү элең жүрөгүм ой көлүңүн түбүнө
Асыл бермет өңдөнгөн ырды кармап алганы.

Сулуу кыздай бастеп ылдорумду жасантып,
Бир сабына гизичү элең сөз шурусун жайдары.

Эми билбейм неликтен туш болгонсуң кайгыга?
Аза күттүң неликтен, муңга чумдуң кайдагы?

Жооп берди жүрөгүм: жалгыздыкта жолдошум,
Мындан нары сен мени өз алдымча кой дагы.

Талаа кызы—гүл өңдүү мен билбенин согорун
Жаз желинин артынан күздүн бороон-карлары.

Сөз атчаны — ырларга тилден кылыч жасатып
Куралданткан даңк үчүн жоого бүлүк салганы.

Мага маалым антсе да ушул зулум заманда
Орундалбай тилегим, көрбөстүгүм пайданы.

Акмак куштун иши да: көзү торду бир көрүп,
Кайтара учуп барышы жемге алдыным андагы.

Атак-даңктын, эрдиктин шаңдуу чыккан дүбүртү
Күркүрөгөн күнө окшойт асман-жерди жарганы.

Башка ой айтпа артыкча, заман кантип, кандайча
Улуу адамын жоктошун билем болуп айгагы.

Эй бейкапар, сен айтчы: уккан белең Пушкинди—
Чебер сөздүү аскердин байчысы да ардагы.

Эр жазганда ал Пушкин даңкы чыгып жүз ирет
Түңгүрөчү жер жүзү анын сөзүн жайганы.

Ал Пушкиндин ак жүздүү кагаздары ыр эңсеп,
Каламды эңсеп, жазса деп сагынчу эле тамганы.

Кыялында акындын кыймылындай тоостун
Анык эле сөздөрдүн миң кубулуп жайнары.

Ломоносов кетсе да ыр сарайын көркөмдөп,
Ага кирди Пушкиндин кыялынын шамдары.

Сөздүн мүлкүн Державин чогултса да кылдаттап
Пушкин ээлеп ал мүлктү ирет менен кармады.

Шарап куюп акылдан толтурду эле Карамзин,
Ал чөйчөктү түгөтүп Пушкин жутту, калбады.

Николайды билишсе Татар, Кытай арасы,
Пушкинди эми билбеген калды жердин кай жагы.

Ачык акыл жагынан сүйгүнчүгү Түндүктүн,
Күн чыгыштын ал болчу жаркыраган айдайы.

Мындан кыйын акылдуу, мындан кыйын ээидүү
Төрөлө элек эмгиче жараткандын балдары.

Таң калсаң да сөзүмдү ук: аны тууган табигат
Эми кайра уялбай, ага каары кайнады.

Бута кылып атайы тосуп өлүм огуна,
Кан тамырын кескилеп, бычактарын кандады.

Буйрук берип эми алар калың кара булуттун
Жалгыз муздак мөндүрү бак мөмөсүн жайлады.

Кыйын болду бороондун жан чырагын өчүрүп,
Денесине эми анын караңгылык салганы.

Гүлзардагы гүлдөгөн анын өмүр дарагын.
Чаап зулум балтасын кести зулум багбаны.

Анын башын ой толгон, жылан пейил заманы
Уюк кылып жыланга, жылан жырғап-чардады.

Шык булбулу сайраган анын гүлдөй жүрөгү
Солуп, толду тикенге, булбул кайдан сайрады.

Денесинен-уядан учту анын жан-кушу,
Жаш-карылар бүт ыйлап, кайгы тартып зарлады.

«Каза болгон желдеттен эй Пушкин!» деп чакырат
Кайгы тарткан шолоктоп бүткүл Орус аймагы:

Бой тумардай чыгармаң, сыйкырдуудай азгырган
Суук көздөн өзүңдү сактап, коргой албады.

Алыстадың аргасыз досторундан жердеги,
Асмандагы алланын эми тийсин жардамы.

Бакчысарай фонтаны сенин эки гүлүндөн,
Чачып турар мүрзөңө сууну көктөм айлары.

Сабухи жазган ыр менен аза күтүп өзүңө
Чачы агарды Кавказдын күчөгөндөн арманы.

А. С. ПУШКИН

ӨЛҮМИГЭ

Көзлиримдә уйқу йоқ һеч түн-кечидә мән бедар,
Кәлбимгә ейттим шу чағ: сириңдин қил хәвәрдар,
Нә болдики, гүлшәндә булбул нәғмидин қалди?
Нә болдики, униң сази аңланмас бүгүн һашкар?
Нә болдики, униң сөз йоли пүткүл йепилди?
Нә болдики, хияллири бәнткә болди гириптар?
Баһар кәлмәктә қара, нәпис қизлардәк гөзәл,
Улар безәп чимәнни ясиди әжәп гүлзар.
Чимән ара булақларни гунавазлар қаплиған,
Гүл ғунчилар гояки қизил гүлдәк лавулдар,
Баһар айна қарши елип ечилса гүл-ғунчилар,
Тағ бағрида гүл чекилгән сүзүк ташлар ялтирар.
Бағ ичидә мевиләр чечәкләрдин кийип тағ,
Дәрәхләрниң падишаси һәр ян қарап олтирар.
Чурлуқ билән гүл лалә аниңки сағлиғи үчүн,
Бәргини қәдәһ әйләп шәбнәм данисин жутар.
Айниң йүзи гоя күмүч рәңгә боялған,
Нәргәсниң хумар көзи аңа қарап қамишар.
Хуш кәпсиз әй булбуллар дәп ейтса бағу вә бостан,
Дәстә қизил ғунчини тутар аңа гүл баһар.
Гүлшәнгә су чачмаққа булут һазир тәйярмиш,
Таң сабаси гүлләрдин хуш пурақлар тарқитар,
Әй, яшнрған көк майсә, йәрдин чиқип бизгә қара!—
Дәп, сәһәрдә түрлүк қуш нәғмисини яңритар,
Һәр бир гия һәр қачан хислитидин айрилмас.
Тәбиәт базарида уларниң өз қиммити бар.
Бирн өз гөзәллиғи вә нази билән көйдәрсә,
Йәнә бири өз ишқини нәлә билән ухтирар,
Һәр вақитта тәбиәт һаятни хуш өткүзәр,
Чүнки у ғәм-қайғудин һәр дәм яшар бәхтияр.
Әй, жүрәк сән хошаллиқтин-шатлиқтин һәм айрилдиң,
Пәқәт теп-теч уйқиға болдиң әнди қәриздәр?

Нә көңлүмдә бир һәвәс, нә бешимдә бир ой йөк.
Сән әләмдин, шөһрәттин вә пикирдин болдиң безар.
Долқунланған деңиздәк ой-пикрини көтирип,
Сән әмәсму әй жүрәк, есил гәзәлләр яһрирар?
Ой-пикриң билән дайим қаритип нә гәзәлләрни.
Сән әмәсму әй жүрәк, жипқә тизған маҗанлар?
Нә үчүн әнди сән зор мусибәттә-матәмдә?
Билмәймән нә үчүн сән чекисән азар?
Җавап бәрдики жүрәк: «әй мениң тәнһа йолдишим!
Бундин кейин өзәмгә бәрсаң деди ихтир!»
Чүнки бир чағ гүл кәби мәнму билмигән гәмни,
Әнди чимән гүллирини тозитти шум қуюнлар.
Гилгинки бу дунияда нам җазанмақ үчүн у.
Сөз либасин қилич кәби җәнгә қилғанди тәйяр.
Лекин бу тар-вапасиз, нәпрәтлик заман қойинда,
Ғазаң болди әжайип изғу улұқ арманлар.
Бәзи бир ахмақ қушлар қәләздикни данни көрүп.
Ғәмәк болуп өзин уруп һаяттин вәйран болар.
Бирдәмлик гүрүлдигән униң қаттиқ шавқуни,
Чақмақтәк ялтирап тез, шөһрәт авазин аңлинар.
Башқа пикир сорима, лекин мән биләрмән.—
Дәвирниң бүйүк адәмлири бәкму қиммәтлик турар.
Аңлидиңму, әй бурадәр, йә тураман хәвәрсиз?
Шеһрийәт сәрдарини Пушкин әйнә җим ятар.
Бир чағда улұқ Пушкин шеһрири титритип,
Ғәр йүзини тәвритип, яққан аңа махташлар.
Аң қәғәзини толтуруп Пушкин шеһр язғанда,
Ләззәт елип униндин қанған қанчә тәшнәлар.
Гоя униң хияли тоз һәрикетидәк гәзәл боп,
Худди һасан-һүсәндәк әҗәйип көриниш бар.
Ломоносов шеһр сарасини гүлләш үчүн интилса,
У сарайни мақан қилған Пушкин улұқ итихар.
Державин чал алса чолғап поэзия ғарини,
Һөкүмранлиқ қилған еди Пушкин аңа беихтияр.
Қарамзин кип билим билән толтурса зор қәдәһни,
Шу қәдәһни ичти Пушкин, қалминди зәр тамчилар.
Николай падиша нами йәтсә аран чину-хитайға
Бүйүк Пушкинниң ети пүткүл җаһанда ямирар.
Бу әқиллиқ дунешмән шимал үчүн улұқ зат,
Шәриқ үчүн толун айдин у қиммәтлик атилар.
Түғүлмигән мундақ улұқ, мундақ мутәппәккүр оғул,
Намини аңлап униң йәр йүзи болди хумар.

Шундақ бүйүк шаирниң әмгигигә ечинмай,
Һәятини боғуп ташлап, қан ялиди қатиллар,
Миң әпуски, ханлар җутлуқ қилди шаирға.
Шум әҗәлниң оқидин ақти бағридин қанлар.
Мудһиш қара булутниң бир парчисин оқ қилип,
Шаир бағрини ярди иплас ханн җаллатлар,
Униң отлуқ вужудини баста әнди қараңғулук,
Кәлбинниң шеһи өчүп йәр қойинда җим ухлар.
Қатил бағвән ханлиқ қил кәсти есил мевини,
Яш мевиниң бәридин чүшти йәргә газанлар.
Кесип алди иланлар униң улұқ бешини,
Кәтти униң бешидә бәк қиммәтлик зор ойлар.
Отлуқ жүрәк бир тутам солған гунчә боп қалди,
Әнди булбул сайрмас муңлиниду гүл бағлар.
Кәйғу-матәм ичидә қайғуриду җәри-яш,
Шаир үчүн мусибәт тутуп өлкәм аһ урар.
Матәм тутуп рус йери гәм чекиду-жиғайду,
Шум явуз қатилларға аччиқ нәпрәтләр оқар.
Сениң данлиқ әсәрлирин қалди биз билән мәңгү,
Лекин сениң өмриңни қийди шум алдамчилар.
Улар сени вәтәндаш-достлириндин айриди,
Тәңри саңа самада әнди мунайим болар.
Пурақ чачар қизил гүл бағчи сарай ичидин,
Хуш пурақлар қәбриндин фонтан кәби стилар.
Сән тоғрилик шум хәвәр аңлап бүгүн сәбуһи
Ақ чачлиқ бу кавказдин матәм нахшисин ейтар.

А. С. И. У. К. В. П. Р. Т. Ф. Х. Ц. Ч. Ш. Щ. Ж. З. С. Д. Е. Ё. Ю. Я.

У А Е М Е Н Э

Мин ултырзым төндәр буйы керпек какмай,
Килде башка төрлө моңһоу, ауыр уйзар,
Үз-үземә һорау бирзем: ниңә һинең,
Гөл баксанда һандуғастар һайрамайзар?

Ниңә осмай бөгөн һинең хыял кошоң,
Өмөтөң өсөн барыр юлдар ниңә бикле?
Күр һин инсек йәмләндерзе тугайзарзы
Йомшак елдәр иҫеп торған яззың күрке!

Миләүшәләр каплап алды һыу буйзарын,
Бөрөләнде баксаларза кызыл гөлдәр,
Тауза үскән йәш егеттәр кыр кызына
Сәскәләрзән үреп венок әзерләйзәр.

Баксалағы дәү ағастар шаһтар кеүек,
Гөлдәрзән таж кейеп улар ғорур тора,
Алдарында мәк һәм ләлә сәскәләре
Ысык тулы касаларын һузып тора.

Бар тәбиғәт бизәкләнгән жәсмин менән,
Нәркәз гөлә гәжәпләненеп ергә бакқан,
Гүйә былбыл әсәһенә бүләк өсөн
Ауызына алһыу кызыл сәскә капқан.

Һыу һибергә әзер болот был гөлдәргә,
Яз иртәһе бөркөп тора хуш естәрән,
Коштар гүйә данлар өсөн бөтә ергә
Әйтеп һайрай гөл-сәскәнең исемдәрән.

Һәр үсемлек ғорур бында үзенә күрә,
Һәр кайһының үзенә башка бында өнө.
Береһе һиңә матурлығын тәкдим итһө,
Икенсеһе хуш еҫ һибеп һөйә һине.

Белмэй улар ерзэ кайғы-хэсрэттэрзэ,
Табигэттең был гөлдөр гел күчелле,
Ә һин, йөрәк, табигэттең йәмдәренән
Маңгелеккә айырзыңмы был күчелде?

Бөгөн минән алыслашты дан, хыялдар,
Юк күчелдә кисә янған шигри уызар,
Кайза китте диңгез кеүек хыялымдан
Шигырзәрзың ынйыларын йыйған йылдар!

Һин түгелме гүзәлләккә дан йыраған,
Хаклык өсөн йәүһәрзәрзән юлдар тезгән?
Ни газәплай, йөрәк, һине әйтсе миңә,
Гәлбаксаңа юлдарынды кемдәр өзгән?

Йөрәк миңә яуап бира: хэсрәтем зур,
Бер яңгызым калайымсы был өйөмдә,
Көзгө елдәр исә бөгөн миңә аша
Гүйә матур яззәрзы мин күрмәнем дә.

Был донъяла гүйә мин бер һыбайлымын,
Үткерләнем шигыр кылысын көрәш өсөн,
Заманымдың бозоклогон белә тороп
Күрһәтергә теләнем мин хаклык көсөн.

Бөртөк һипкән тар ситлеккә, күрә тороп
Икенсе кат алыот коштар ғына инә,
Дан нәмә ул? Үткенсе бер күк күкрәүе,
Ундай дандар кәрәк түгел инде миңә!

Һөйләмә һин хәзәр миңә бер нәмә лә,
Арзан һүзәр кәрәк түгел хәзәр бында,
Уйлайым мин шигри гәскәр юлбашсыһы—
Даһи шағир бөйөк Пушкин тураһында!

Ишеткәнең юкмы ни һуң уның исемен?
Бар донъяла яңгырай бит шағир даны,
Ак кағыззың биттәрәнә көләм менән
Бһны кеүек тезә ине ул шигырзәрзы.

Тәүис коштоң йомшақ канат кағыныуы
Сағыла ине уның шигри юлдарында,
Ломоносов төзөгән гүзәл шигри һарай
Бөтә мөйөшөн бирзе Пушкин мондарына.

Яулаһа ла Державин бар шигри русты,
Хужа булып калды бында Пушкин хисе,
Караһиндең белем тигән касаһынан
Шарапты ла төбөнә тиклем Пушкин эсте.

Батша исемен белһә Кытай, татар ере,
Пушкин даны шаулай бөтә ер шарында,
Тыуган айзай ялтырай ул көнсәғышта,
Иөрәктәрзә һаклана ул төн яғында.

Ете кат күк, ер, һауа һәм уттан-һуызан
Тыуганы юк быға тиклем бындай ақыл,
Тик кызғаныс, шундай зирәк был балаға
Дүрт әсә һәм ете ата булды һакһын!

Кара болот булды уның каршыһында,
Тыузырыусылар шул болотка әмер бирзе,
Һәм боз һукты шағир гүмере сәскәләрен,
Кан юлдары туктанылар—Пушкин үлдә!

Һүндәрзә ел уның якты гүмере шәмен,
Караңғылык баһты тәнен, тира яғын,
Киһте гүйә баксасы карт балта менән
Шигриәттең күкрәп торған йәш кыуағын.

Аждаһалар саф күчелле йәш шағирзе
Ташланулар йылан, қорттар ояһына,
Һүнда уның йәш йөрәге—кызыл сәскә,
Бакса әйләнде сәнескелек донъяһына.

Осто йәне тарһынып киң донъя йөзөн,
Илай бөгөн Рәсәй кызы, Рәсәй улы,
Матам тотә киң Рәсәйзең бар мөйөшө;
Бөйөк Пушкин гүмерен өзгән палач кулы!

Һине, шағир, был шәфкатһез йыландардан
Һаклап кала алманылар йырзәрзы да,
Инде һиңә, мәрхәмәтлә булһын алла,
Айырзылар һине яқын дуһтарындан.

Бакса һарай гөлдәренәң хуш еһтерен
Илтһен һинең кәберәң саба еле,
Сабухизең шигри менән матам тотә
Был кайғынан сәсе ағарған Кавказ ерә!

И П У К И И И
У Л Е М Е Н О

Йокым качты, төннәр буе күзем йоммыйм.
Пөрәгемә үзем дәшәм, үзем тыңлым:

«Серләремнең жәүһәрләрен, татлысын син,
! Йөрәгем, үз түреңдә саклайсың син.

Ни булды соң, жыр былбылың ник сайрамый,
Тутый кошың матур сүзләр ник сайламый?

Ни булды соң шягырь сүнде—тын да чыкмый,
Ни булды соң, илчең хыял юлга чыкмый?

Күр, яз житте, чәчәк ничек балкый энә,
Болыннарда хуш ис ничек аңкый энә.

Миләүшәләр тирбәләләр энә ярда,
Алсу гөлләр ялкынланып яна бар да.

Тауда гөлләр асылташтай жемелдиләр,—
Бизәл, дала, безнең нурга күмел! диләр.

Зур агачлар чәчәкле таж кигән сыман,
Күренәләр «Без монда шах!» дигән сыман.

Чык сулары эчеп лалә касәсеннән
Мәкләр әйтә: «Тын бакчалар яшәсеннәр!»

Ясмин гөлә—ап-ак давил, Шуны күрөп
Кара күзле нәркәс авыр сулуй кебек.

Сандугач шат—язны күргәч рәхәт тапкан,
Бүләккә дип ул да алсу чәчәк капкан.

Болыт өзер гөлгә тизрәк су сибәргә,
Һәм жиләс жил канат сирпи шул чибәргә.

Жырчы кошлар сайрың иртә таңда торып:
Үс, яшеллек, жир-әнкәне ямыгә төрөп!

Һәр үләннең үз болыны, үз кыры бар,
Яз бәйрәмен бизәр өчен үз жыры бар.

Берсе көяз, берсе чиксез сылу була,
Берсе—гашыйк, сөйли бары шуны гына.

Бөтен чәчәк бергә күңел ачып яши.
Тормыш-ләззәт, Ә сагышлар качып яши.

Ә син, йөрәк, нич тормака яттың мәллә?
Шатлыклардан таман колак кактың мәллә?

Күңелдә хис, ә башымда уйлар тумый,
Син дәмнәнсең—шөһрәтле жир жирлап булмый.

Уй дәрәясын кыю айкый идең бит син,
Жыр әңжәсеп чик-чамасыз сөйдең бит син.

Сүз бизәгән явын алды бик күп күзнең,
Жыр юлларын мәржән итеп бик күп тездең.

Белмим, нигә борчый бүген сине сагыш?
Кайнар хисем, ник кайгылы синең аңыш?..»

Әйтте йөрәк: «Япа-ялгыз уйлыым әле,
Ялгызлыкка үзем юлдаш булыым әле!

Чәчкә идем. Белмәгәнмен мин, күрәсең,
Язлар үткәч көзгә салкын жыл киләсен.

Жырым—жайдак. Зур жиңүне бурыч итеп,
Мин телемне бирдем аңа кылыч итеп.

Юк, теләгем эшкә ашмый. Көтәм һаман.
Бик мәкерле хиянәтче икән заман.

Була кошлар: тоткын булган чагын белә,
Ә жим эзләп шул тозақка тагын килә.

Уйламагыз дан һәм шөһрәт зур нәрсә дип,
Алар бары күкрәү сыман бер нәрсә бит.

Дәшмә миңа. Күр күз яше коелганын...
Беләм ничек бөек уллар жуелганын.

Беләм, шигыр—ул корал да, ул гаскәр да.
Полководец иде Пушкин шул гаскәргә.

Ишеткәнсең, тылсымлы жир жирлады ул,
Бөтен жирдә шаулады һәм гөрләде ул.

Гүя кагазь әйтте аңа: тизрәк утыр,
Каләм ая да, мине тизрәк язып тутыр!

Уй-хыялы тавис коштай балкып торды,
Бизәк булып сүзе күзгә тартып торды.

Шигыр йортын сирлап сәлди Ломоносов,
Пушкин аны бизи барды һаман үсеп.

Жир дәүләтен Державин карт яулап алды,
Ләкин анда хәким булып Пушкин калды.

Ә Карамзин гыйльми шәрәп салды жирга,
Пушкин шуны эчеп бетерә алды жирда.

Патша исеме Николаини кемнәр белә?
Татарлардан Кытайгача жирләр белә.

Ә Пушкинны жирдә бөтен яklar белә—
Аның данын яшьләр аңлай, картлар белә.

Даһи акыл итеп Төньяк тыңлый аны,
Ә Көнчыгыш якты айга тиңли аны.

Без беләбез: Жир, һава, Ут. Су булганын—
Һәммәбезне шул дүрт әнкә тудырганын.

Һәм әйтәбез:—Жиде кат күк—әткә,—дибез...
Әмма ләкин жирдә һичбер чакта, дибез,

Пушкин кебек улның әле туганы юк,—
Аңдый акыл һәм сәләтнең булганы юк.

Әйтим ләкин, син тыңларсың исең китен:
Шул әнкәләр, шул әткәләр ничек итеп

Шул кадәрле мәрхәмәтсез булды икән?
Ник Пушкин юк? Ник вакытсыз үлдә икән?

Үтерделәр... Қызгансаң да күпме хәзер,
Пушкин дәшмәс... Ярсу йөрәк типми хәзер.

Килде болыт, кара явым күкрәп койды;
Ауды имән—әйтерсең, жир тетрәп куйды.

Жилләр исте—күңел уты сүнде кинәт,
Дошман кисте—гомер гөле шиңде кинәт.

Жырлады ул—еракларга китте даны.
Агулы чор жылан ашы итте аны.

Былбыл кунып сайраган гөл юк ителде,
Сүнде йөрәк—жыр агылган юл киселде.

Жырчы саф жан очты күкрәк читлегеннән..
Халык елый ачы кайгы күплегеннән.

Рәсәй үкси әриеп берүк фикер белән:
Явыз жаннар жир гиганттың үтерделәр.

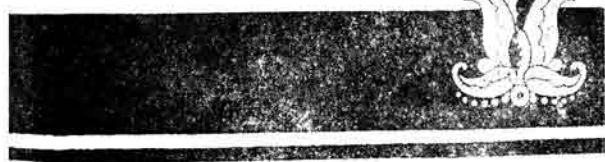
Сихерләүче, каргышлы күз карашыннан
Коткармады тылсымлы сүз дәвасы да.

Жирдә сине дусларыңнан аердылар.
Инде тәңрең кабул итсен хәер белән.

Ә кабреңә фонтан-фонтан хуш ис сибеп
Бахчасарай шаулар—бетмәс ул һич кибең.

Тиңли Кавказ сине таулар нуры белән,
Сагына сине ул Сабухи жыры белән.

ИЛУИШКЖИШЛАЭШ
КУЛӘМЕЗЛЫ

Одйг чырым но кӧлытэк пуки уин.
Сюләмелы, малпан утиселы, шун:

— Малы чуж учыед чалмиз чебер садал?
Кыллы-бырем папа малы кылтэм луниз?

Малы кылбуръёсыд уг жингырто али?
Шат, малпандэ шунды куасьтйз, кӧс тӧл нуиз?

Тон учкы-ай: возьвыл сяська пӧртэм тусо
Син мальдымон пиштэ — тани тулыс вуиз.

Возьёс вылтй пичи шуръёс жалбыртыло,
Сяськаослэсь кучо шобрет тулыс куиз.

Быдэс кырвыл виль кен выллем дйсяськемын,
Горд сяськаос чебер изьёс кадъ жуало.

Садын сяська коронаен вож писпуос
Вань будосьёс пӧлын шахъёс сямен сыло.

Нош лилюс но горд макъёс, сябась карса,
Тюльпан суюмыкъёсысь лысвуэз юыло.

Вань лудъёсын жасмин юг-юг сяськаяське —
Соин тйни нарцисс синъёс но мальдыло.

«Я, лыктэ куноос!» шунсь кадъ учылэн
Ымаз роза сяська — кузьым, лэся, оло.

Садъёс вылэ пилем но дась ни зорыны,
Чукна тӧлэн ческыт сяська зын кылйське.

Ӝарпотьку тылобурдо жингыр кырза:
«Я, вожекты, музьем! Тулыс тонэ миське!»

Бен, котькуд будослэн аслаз эчез луэ, —
Инкуазь шумпотонын соин со данъяське.

Таиз чебереныз ваньзэ палёмытэ,
Соиз яратыса учке но лудзиське.

Куректонгёс ёбёл, мылкыд капчи, шулдыр!
Эктоп, шудон, кырзан бусы тыр шуккиське!

Нош тон, сюлэм, малы сокем мёзмыт но жум?
Гань-гань умдэ уг лу-а ма палентэмед?

Тон көня малпаськод вал — ваньзэ вунэйд.
Кылбурьёсын уг пот ни-а шумпоттэмед?

Тон малпандэ чебер чөшотонэн бурдыад,
Весез кадъ, чурьёстэ луэ вал сузьемед.

Бен, мар луиз али? Малы куректйськод?
Секыт мылкыд зйбе, лэся, тон измемед.

— Матысь эше, одйг эше! — сюлмы шуиз, —
Туннысен тон кельты огнаме монэ.

Возьвыл сяська сямен, ёй малпа мон ачим
Тулыс бере кышкыт сйзыл жог вуонэз.

Тодсал ке, поэтлы кыл-меч мон сётысал,
Дан басытны мон дасясал ожмаськонэ.

Азьвыл ик тодйсько: йонгэм муртгёс кужмо,
Уз пёрмы малпанэ, матын ни быронэ.

Визьтэм тылобурдо вызэ но адзыса,
Кенэм понна лобёе одно ик жимонэ.

Данмы бен мар? Сэзь мылкыдмы нош мар сйче?
Ляб гудыри кадъ ик выёз вунэтонэ.

Эн малпа азьланез! Бадзым визез туэ
Улон куаса— куштэ. Овёл ни паймонэз.

Тон Пушкинэз ёд тоды шат, оло вунйз?
Од кыл-а со поэзилэн йырыз шуса?

Кылбурьёсэс гожъян дыргяз чөм ушъязы,
Солэн данэз ветлйз котыр гудыръяса.

Тодскод-а Пушкинэз? Юг бумага ассэ
Косэ вал сьёдманы зырдыт кылбураса.

Солэн кылбурьёсаз кыл сяськаос пишто,
Павлин вамышъяку сямен дельпыраса.

Поэзи дворешез чеберяз Ломоносов,
Нош Пушкинмы огназ отын куё луиз.

Поэзи шаерез басытйз, vormиз Державин,
Нош Пушкинмы гинэ визь-йыр отчы пуксиз.

Узыр визьбур-виша люка вал Карамзин,
Нош Пушкинмы гинэ сое быдэс юнз.

Микол эксёй Китай дорозь гинэ тодмо,
Нош Пушкинлэн данэз вань душнее вёлмиз.

Восток калык виль толзез гажам выддем,
Уйпал калык солэсь визьзэ туж яратйз.

Сизьым инбам, омыр но тыл, музьем но ву
Оз вордэ вал такем чылкыт визьмо пизэс.

Паймод ке но, я кылзы на та веранме —
Мумиз-анз кызы визиз визьпогзэс.

Кулон ваись ньёлэн шораз ик ыбизы, —
Улон вирсэр чигиз, кыниз солэсь синзэ.

Соос ик косыса, пилем шуккиз йён,
Улон испу вайысь емыш усиз музэ.

Вань мугорын соку чылкак пеймыт луиз,
Сьёд төллери кысйз визьмо муртлэсь тылзэ.

Садэз утись кораз лек тйреныз, озы
Чебер вож испулэсь быдтйз со улонзэ.

Кый мылкыдо вакыт кыйкар кариз солэсь
Али гинэ чылкыт, визьмо малпась йырзэ.

Сюлмыз учй чирдон сяська убо ке вал,
Али куасьмиз но кыйбоды мычиз вензэ.

Лулиз-тылобурдо лобйз мугорисьтыз,
Курыт синву сүтйз эч калыклэсь синзэ.

Вань зуч музъем виышгъяса вера, ббрдэ —
Овбл ни Пушкин, со быриз, со виемын.

Сое зэмлык бз уть, сое вормиз ишан,
Визьмо кылбуръёсыз оғназы кылемын.

Асьме дорысь кошкиз, вань эшъёссэ кельтйз.
Тон пумита, аллах, сое зеч мылкыдын!

Бахчисарай шорын ялан ббрдйсь фонтан
Роза сяськаосты пызъёз синвуосын.

Юг пурисьтам Кавказмылэн куруктэмез
Сабухилэн татын синву пыр верамын.

А. С. ПУШКИН

КОЛЫМЫЖЛАН

Кумыде шинчам, йўдым шинченам,
Поро шўмемлан ойгын ойленам.

«Чулым шўшпыкет шыпланен молан?
Сылие попугай мондыш мо ойнам?

Муро дек молан петырнен корнет?
Писе уш молан кудалтен мемнам?

Шошо толылден. Ёыр пеледыш-влак
Чинче-вунчыла сылнештат саднам.

Роза тўзланен, тулла пеледеш,
Лай фиалка-влак авырат вўднам.

Степын ўдыр сай. Пўлеклаш тудлан
Курык-влак пуат шергакан кўйлам.

Ал вуйпидышым вачышке пыштен,
Сад шога нўлталт, шахла койлыден.

Тудын кушмо верч йўйт лилий, мак,
Ший тюльпан коркаш лупс шырчам поген.

Пўртўснам темен толкын нар жасмин, —
Анырга нарцисс, нунын вак ончен.

Эскерен нумал, шўшпык-влак кондат
Розам пўлеклаш: «Ўжына, родем!»

Кушкылым нўрташ пыл вузалт толеш,
Тудым шымата ныжылге мардеж.

Қайык-влак мурат кушкыллан эрлен:
— Рок гыч писын лек кечылан вашеш!

Кажне кушкылын уло шўм пѳлек, —
Кондыш нўртўснан пеледмаш лўмеш.

Икте, чолгыжал, танжым савыра,
Весын ныжыл шўм, йѳратен коржеш.

Жапым ѳртарат веселан, татун,
Шўлык нунын деч курымлан куржеш.

Молан гын, шўмем, орлыкан улат.
Монденат ласкам, нералтет алят?

Тый от ўж нигуш, вуетат яра,
Чап ден муро вий йомыч йѳршанат.

Ойлы-ян, шўмем, тьяк огыл мо,
У мутлам кычал, келгыш пуренат.

Шонымаш-влакем сылным тўрленат.
Чинче гай строкам пырчын погенат?

Мый ом керт пален, ну молан тынар
Кызт ойгырет, тулык гай улат?»

Шўм оила тыге: — Таче гыч, родем,
Эрыкым пуэн, мыйым кай коден.

Шошым деч вара толын шем тўтан, —
Мый пеледышлак ыжым керт пален.

Эх, пален пуаш ыле позтлан
Чап верч кредалаш кердым кучыктен.

Но палем: жаппа шучко да чоя, —
Шонымем садак мый ом керт шуктен.

Шурно пырче верч угыч шароиаш
Мийше кайыкым мо кертеш саклен?

Чап ден доблесть верч нѳлтшѳ йўкйўан
Кўдырчѳ гаяк коранеш гўрлен.

Мом оялаш? Палем: курымна колта
Кугу еи-влакнам шортын ужатен...

Але Пушкиным от шарнал, родем?
Чыла позтлам тудо вуйлатен.

Тудым мурыжлан кўш нѳлтен тўна
Да тўжем пачаш ноыде моктен.

Тудын возымо шѳртнѳш шомаклам
Ош кагаз листа чытыде вучен.

Тудын шонымаш, тудын тул шомак
Лач павлин гаяк йолгыжалт йўлен.

Ломоносов суртым поэзийлан тўрлен,
Тушко Пушкинын темян шоныман.

Кеч Державин элым поэзийлан иштен, —
Тушто Пушкин шхет чын оза улмаш.

Карамзин темен шинчымаш коркам, —
Тудым Пушкинлан лач пернен йўан.

Тудын чап шарлен уло мланде йыр,
Николайын чап йомын тўтыраш.

Тудым раш ушлан йѳратен Пўдвел,
Тылзым лач тыгак пагала Эрвел.

Шым ача дечын ныл ава* ыш керт
Тудын гай уста эргым шочыктен.

Но ача-ава, эргым куштымек,
Лийыныт осал, шыде тудан дек.

Колымаш пикылан лийын лач мишень, —
Пўчыктын вўршер тудын резынек.

Шем виан шолем кўрлын тул саскам, —
Пушто мурызым, нунын куштымек.

Озыркан мардеж йѳртыш чон сортам,
Рўмбык петырен капшым, колымек.

Да садовникын пеш осал товар
Тудым сўмырен шем вынем воктек.

Порым шонышо волгыдо вует
Кишке верланен. О могай ѳнгрек!

* Шым ача — шым кава; ныл ава — мланде; вуд. юж да тул.

Шушпык мурыман роза гае шўм.
Пытыш. «Ир пелчан, маньыч, кушшо тек».

Шонгым, рвезымат ойго ишыктен,
Кайык чонештен эл гыч мўндыр век.

Ойгыра Россий, шортын мўгырен:
— Пушто Пушкиным шем палач, орен.

Шем внян ю деч, озыркан вий деч
Талисман ыш керт тудым утарен.

Кодыч тулыкеш таи-влакшат мландеш,
Тудым нал, аллах, шкендын шўм пелен.

Да Бахчисарай шўгар вак колта
Роза ўншымат, фонтан деч поген.

Мый, Мирза, мурем, — чал вуян Кавказ
Муро гоч шортеш таче, ойгырен.

ШУШПЫК МУРЫМАН
РОЗА ГАЕ ШУМ

ВАЛАРАХ

Ваьлар со Гаьржача буса наб йоацаш,
Дегага яхар аз: хет сона тамаш!

Хьа беша хозаш дац новцолга илли.
Хана дац хозаш хьа хоза къамаьлаш?

Хана гу длакьайла поэзен хьа никъ?
Хана сайцай хьувза хьа цена уйлаш?

Енача блястено хоздаь да Галам,
Гой, хьажал, бес-бесар лепаш да зизаш.

Гоннахьда тоатолгий берд-йистош хозьяь
Розай Корапаш я цин санна йоагаш.

Аренаш хозьенни нускал ше санна,
Лоам-бухе бес-бесар къартлой да къегаш.

Бешамашта юкье зизаша хозьяь
Галама паччахь мо гаьнаш я ягаш.

Цар моаршал тюльпаний бакалшчура,
Зизаш да гоздаьнна Гуйран тхир мелаш.

Жасминаша хозьяь кхоллама ареш,
Лепача хозалца кхоладеш баргиш.

Совлат де доаллаш мо зюкарца лаьца,
Новцолг да тов мо из це зиза ловзош.

Морхаш зизашта хий тоха кийчьеьни,
Гуйран фо тоам барца да хьешаш зизаш.

Гур-Гурра декаш хул уж оалхазараш:
— Хозле, гучадовла, шо зизаш яхаш.

Бес-бесар хозненаш йолаш да Галам,
Хара яр ший тайпар я белгал ювлаш.

Цъадолча зизаша кхайкабу безам,
Вождараш дегашта хул йовхо телаш.

Массане безаме дякхухъ цар шоай ха,
Цааккха хилац цатоам, е глайгла йолаш.

Са дог хьо хланад-те глайглане диза,
Набарах хьо ма дац хъакета могаш?

Хаманца безам бац, хьо маълхар да дог,
Керта чу ма яглац хланз сона уйлаш.

Хьо дацар иллешта уйлай фордалар
Лийхар жловхар санна уж цена дешаш.

Хозах йола уйлаш Ia глетаярах
Жловхарца кийчлора са илле мугIраш

Хланз со кхеталуш вац, фу глайгла кхъчай?
Хланад хьо балане, хланад хьо делхаш?

Жоп делар са дего: са ихьоал доттагла,
Тахан денц хилалахъ со сайца дуташ.

Арен зизайл башха со дацар кхетош
Миха тIехъа гуйран дарц хиларх хьокхаш.

Кхеталахъ, поэзен баъречо ший сий
Низ болча дешашца массаж хул доаккхаш.

Цъабакъда, йицъяц аз укх заман хоарцо,
Хоарцоно хилитац лерхIаш дар кхоачаш.

Говдал да оалхазар, ягла боанг гушше
Фийг бахъан из хуле цунна тIа гIерташ.

Сигленаш къегаше сега тIоа санна,
Къонахчул, сийлалла хул гоннахъ холуш.

Кхыдараш ма дувца, дац сона эшаш —
Сийлахъ къонгаш боврах зама я кадаш

Хазанза ва-те хьо — поэзен корта —
Сий дола из Пушкин массанахъ вувцаш.

Сий дарца, хам барца цун говзал бахъан
Дунено Пушкин вар гIоздаьнна вувцаш.

КIай каьхат ма хулар оагIонаш йийле
Пушкина йозонца Iаърждарах хьогаш.

Цийцарга болар мо цун тайжа уйлаш
Эзараш хозаллаш шоашца яр йолаш.

Ломоносове хъальйир поэзен гIишло,
Бакъда, из хозъяр дар Пушкина иллеш.

Державина говзал хинни низ болаш,
Пушкина говзал яр цул а низ болаш.

Карамзина иллеш далесъ кад бизар,
Из меннар Пушкин вар бизза чам боаккхаш.

Николай-паччахъа цIерал яр яржа,
Пушкина сийрда цIи дунено сий деш.

Малхбоален даггара вар из хъамсара.
Малхбузе бетта мо цун ма яр сий деш.

Хиннавац кхы цхъаккха Дунено кхелла
Измамо хъакъалахъ ше виза волаш.

Цох Ia томаш е мег, — хилар-кха цунна,
Цун кхоллам цхъаккха а кхъхетам боанаш.

Гоажало хоададир сийрда цун вахар,
Цун валар эзарзза да дега Iадкъаш.

Къызача приказахъ техача пхоно
Дог лаьцар, пха лаьцар, цун вахар хоздош.

МоастагIаша йоайир цун сина сердал,
Iаържача лахътача эздий дегI дужош.

Къызача бешхочо га хоадош санна,
Хоададир цун вахар кхъхетам боацаш.

Сийрдача уйлаехъ биза цун корта,
Къызача замано техар, божабеш.

Оалхазара дар санна иллеяхъ диза
Хинна дог соцадир лаьттаха едеш.

Деглацар сийрда са цун къастар бахъан
Къаьна, къона мел вар ва гийгIа йолаш.

Беррига эрсий мохк кодам беш, белхаш,
Ба Пушкин вийначоа дагахъ вий кхайкош.

Хиланзар низ кхоачаш Иоажалах ваккха
Хейкала низ бола цун хоза иллеш.

Лаьттарча доттарIех къоаставир хьо дIа,
Аллах хилва хьоца къахетам болаш.

Бахчисарае Ia degIa уж низаш,
Хъа каш гIа дагIаргда бIаьстан фо цIендеш.

Хьо валар лоа цалуш йола тха Кавказ
Сабухе стихашца я хъа кодам беш.

МУШУК
ӨЛБҮТҮГЭР

Түлүк бараан түүнгэ утуйар уубун умнубут буолан,
Нохтолоох сүрэхпэр этэбин: тойон сүрэм, ыллаа!

Туохтан кэбиннэ эн кэбэн кэрээбэт кэпсээнэ?
Туохтан ымы чыычаабын ыллаабат буолла?

Туохтан сабылына эн ыраас ырыан ыллыга?
Туохтан санаан арыалдыта саймааран хаалла?

Көрбөккүн дуо — саас кэллэ, сир кэрэ симэбинэн —
Күн аннын кэрэ сибэккитинэн күн сирэ туолла.

Саба үүнүлэр көмүс үрүйэбин — биз эмийдэрэ,
Үрүг сибэккилэр кырдал сирдэрбэр кылаппачыстылар.

Истиэп килбиэннээх кэйнитэ киэргэммэтэбин киэргээнэ,
Кинини күндү тааһынан симээри таас хайам чэчиринэн
сабыллар.

Саад мастара сир симэбэ бэргэһэлэннилэр,
Уонна улуу Шах курдук улуутуйан тураллар.

Кинилэр тустарыгар иһээри мэтээстэр, лэбини кытта
Сник таммабын сүүтүк отторго куталлар.

Сыһы мунунаан алтан от күн күлүмүнэн күлэр,
Кинилэр килбиэннэриттэн кинс хараба көрбөт буолла.

Соловей барахсан «Нөрүөн нөргүй!» диэри
Роза нарын туорабын тумсугар кыбытан аҕалла.

Сибэкки минньигэс сытынан туолла сассыардаанны
сиккиэр,
Уулаах былыттар сир симэбин ибинрэргэ оҕостон
тураллар.

«Чэй, талы-мааны сирэм, сиртэн ааньян табыс!» —
дизн

Сарыалы көрсө нарын чыычаахтар ыллаһаллар.

Үүнэр үүнээйи барыта туох эмэ кэрэлээх,
Туох эмэ кэрэ бэлэби айылба ыһабаар абалар.

Сорохтор сүрэх сөбүлүүр кэрэ дьүһүннээхтэр,
Сорохтор миннигэстик тыннан таптыллар.

Көрү көбүлүттэн тутар онно хас үүнээйи барыта,
Санныар санаа онно умнуллар.

Үөрбэт-көппөт, өрөгөйдөө бөт буолбут, тойон сүрэбим!
Тоҕо эн улук уугуттан уруктубат буоллун?

Эн түгэххэр туох да сөгмөт, ханнык да санаа хатамат,
Албан аат, ырыа ымыыта эийгин долгуппат буолла.

Эбэтэр мин чөмчүүк таас курдук хоһоон тылын хомуйа
Санаа байбалыгар умсар сүрэхпиттэн атын буоллуон?

Эн тэнгэбилинэн киэргэтэрин талы санаалары,
Оһуор анһарын тыл нарыннын талан.

Эт эрэ, туохтан санаан саппабырда?
Туохтан харыастабын уоттуу умулла?

Итиннэхэ мин сүрэбим хардарда: арыалдыт атаһым,
Аныгытын эн минигин аңгардастыы хааллар.

Сир симэхтэрин курдук, мин эмиэ билбэт этим
Сиккиэр тыалы солбуялларын хахсаат тыаллар.

Мин сатыы сагабын, аттаах ырыабын.
Охсуһууга ытгарым ох тыллаан.

Ол эрэри мин билэрим уодаһыннаах үйэм
Халбас харатын, баҕа санаам татым аналын.

Аар акаары буолуохтаах биһир сизэм ымсытыгар
Добурга киһирэр чыычаах — халлаан кыыла.

Хоһуун дьайыы, албан аат дарбаана
Киһиг халланга этин этэрин курдук буолар.

Түксү, аны эн санарыма.
Мин билэбин — улуу дьон толуга үйэлэргэ аабыллар.

Тыл аармиятын буйун бухатырын — Пушкин туһунан
Ама даҕаны билбэт этин, мунгур санааллаах?

Улуу сурахтаах Пушкины хайтах билбэтэңи?!
Кини поэт этэ нарын тыллаах, саталаах санаалаах.

Албан аттаах улуу Пушкины ама билбэкиэн:
Кини иннигэр сытар маҕан кумаахы — хараара охсор
биһир баҕалаах...

Халлаан кустугун тыһыынча өгүнүү
Күлүмнүү оонһуура хоһуйар хоһоонно, этэр тыла.

Ломоносов киэргэппитэ ырыа алаһатын,
Ол алаһаны толорбута Пушкин таптала.

Державин ырыа добуң кыраайын сэринлээн ылбыта,
Ол эрэри ол добуң дойду — Пушкин эрэ анала.

Өскө Карамзин бакаалы билин аргытынан толорбут
буоллабына,

Пушкин испитэ ол бакаалы.

Өскө Ньюкулай ыраахыаабы Кытайга тиниэ биллэр
буоллабына,

Аан дойду барыта Пушкин аатынан туолла.

Кинини күн санаатын нин хоту дойду таптыыр,
Илинги сирдэргэ ый тэниээбэ буолла.

Итинник өркөн өйдөөбү, ыраас ырыалаабы
Төрөтө иликтэр ийэ сир уонна аҕата—сэттэ халлаан.

Билигин эн соһуйума, мин этизэм эийэхэ, кинини
Аһымматахтар дизн ол айбыт Айыылар.

Өлүүлээх оһу киһинэхэ салайбыттар,
Өркөн өйдөөбү суорума суоллаан.

Хара дьайдаах былыт биһир муус-толоно
Быһа түспүт кини тыһын, кинилэр санаалара буолан.

Кини эдэр олобун чөгизэн тэтингин
Быһа далайбыт хара санаа сытыы батаһа.

Өркөн өй уята буолбут кини чөмчөкөтүн
Мобой майыгылаах үйэ мобойдорго ылла.

Кини генийин ымыыта ыллаабыт сибэкки тэннээх
сүрэбин

Өспүт өлүгүттэн долобуна тыллар.

Икки атахтаабы ыар санаа кууста:
Кини сырдык тыына чыычаах буолан көтөн хаалла.

Ыар аһыттан ытыырын быһыгар Россия эбэ саңарда:
—Палач хааннаах илинтиттэн өлбүт Пушкин суорума
суоллаах!

Хааннаах былаас аптаах ап-чарайыттан
Эйнигин быһаабата бэл—ырыан ымы тыла.

Орто дойдутаабы доботторгуттан эйнигин араардылар.
Ол оннугар үөһэ дойдуга амарах буоллун Аллах.

Бахчисарайга үүнэрбит икки розан сымара эн уңуо-
хар

Фонтан буолуохтун сааскы тыаллын.

Ити ыар сурахтан баттаба манхайбыт Кавказ
Ыар аһытын эттэ Сабухи ырыатынан сабалаан.

А.С. ПУШКИН
МАЛАТЫА

Дысон бастадтæн бынтон,
Кодтон талынджы фыдæхсæв, —
Æз мае зæрдæмæ дзырдтон:
О, мае сыгъдæг сæнтты 'мбæхсæн!

Зæгъ, цæуыл кæныс тæргай,
Маргъау та цæуылнæ зарыс,
Йе дæ тутт-попугай .
Дзых цæмæн æхгæдæй дары?

Зæгъ, цæмæн фæдæ æмыр
Де 'рдаг зарджыты зæллангыл,
Йе—дæ рæсугъд сæнттæ ныр
Ценнæ рацæуынд фæндагыл?

Акæс, уалдзæг нæм æрхызт,
Алы зайæнхал—йæ тынгыл,
Фæзтыл, къуылдымтыл сæ хуыз
Калынд уардитæ сырх зынгæй;

Уайы уыгæрдæнты дон,
Бытыл дидинджытæ хъазынд,
Хуримæ сæм худы бон
Æмæ райгæ цардхос нуазынд.

Быдыр, ног чындзау, фæлыст,
Калы стъалыты цæхæртæ;
Дзагæй рахæссы хъæбыс
Хох зынаргъ дурты лæвæрттæ.

Дыргъдоны лаууыңц къуындæг
Алы дидинхуыз бæлæстæг
Æмæ, паддæхтау, сьндæг
Худыңи, алырдæм фæлгæстæг.

Лили ранæй-ран фæцъæх,
Райста урс тюльпанæй нуазæн
Æмæ хъоппæджимæ 'ртæх
Хъæды цæрæнбонтæн нуазы.

Æрдз цы хъарм фæлмæн æрцис! —
Ниуыл иас тыфхъæд ныссагъта,
Уый куы ауыдта парцисс,
Уæд йæ цæстыхаутæ 'руагъта.

Будæмаргъ «агас цуай, цард»
Бæрзы къалиуæй ныззарыд
Æмæ нал лаууы æнцад, —
Дзыхы дидинагсыф дары.

Æвратъ — урс бæмбæг—тырны,
Зæхмæ хъарм цæссыгтæй хауы,
Рог сæууон дымгæ хъырны,
Бæстыл адджын уддæф тауы.

Райсом цъиухъæлæстæй хъæд
Сисы мин-мин мыртæй зарын
Æмæ дидинджытæ уæд
Зæххæй хъулон сæртæ сларыңи.

Алы зайæгой хæссы
Хи рæсугъд фæлыст йæ уæлæ,
Æрдзы базармæ кæсы
Æмæ хи хуызæй æппæлы.

Иу сæ афтæ у рæсугъд,
Æмæ зæрдæ бафты дисыл,
Иинæ уарзынмæ йæ уд
Арф улæфтытæй æвдисы.

Се 'ппæт хъæлдзæджы рæстæг
Райыңи, мондагисгæ, нума

Æмæ нал уалзыңи хæстæг
Сагъæс æмæ маст сæххимæ.

Зæрдæ, уæд дæуыл цы 'рыд,
Ценнæ цин кæныс сæ уындæй?
Æви де 'стыр ныфс ныфтыд
Æмæ нал хъал кæныс фынтай?

Зæрдæ, ды кæныс æнкъард,
Сæр та рух хъуыдыхъом не сси, —
Ниуæй алыгъдысты дард
Сæнттæ, кад æмæ поэзи.

Æви цин фæтахт дæуæй,
Æмæ уыш зæрдæ нал дæ,
Стихты чи колта фирнай
Алкæд ленк æмæ цæххалтæ?

Алы рух уæздан хъуылы
Алы ирд барæнтай барстай,
Рæнхъ рæнхъы фæдыл нын ды
Раст хъуырыфæргуытау ластай.

Уæд цæуыл æнкъард дæ ныр,
Сагъæс дæм кæцæй æрхаудта,
Цавæр мастæй дæ тыппыр,
Йе—цамæн ыскодтай саутæ?

Зæрдæ загъта: — Иу лымæн
Мемæ сонты бонты рацъд
Æмæ нал ис уый мæнæн,
Ныр мæ нунæгæй ныууадзут.

Хъæды дидинтау, æз дæр
Сом цы 'риуæдзæн, уый нæ зыдон:
Хурджын уалдзæджи фæстæ
Хъызт кæй ралæууы фæззыгси.

Не 'взæг не 'рдæй у лæвар,
Кадджын тох дзы кæнæм хъуамæ!
Æмæ ме 'стырдæр хæлар
Райста ирд æвзæджы хъама.

Фæлæ заман у мæнгард, —
Бастъæлдыц дæгæн йæ сæнтгæ,
Хинæй афæлыви нард
Æмæ дæг кæны æрхæндæг.

Уыцы маргъ кæм нæу сæлхæр,
Къæппæг чи фæкæны иу уынд
Æмæ насмыгай уæддæр
Ног сайд чи уадзы йæхиуыл!

Не 'хсар намысы дæгæн
Раст бæрзонд æрттау фæнæры,
Фæлæ ныр зынд у мæнæн,
Стыр дæг удхæртты кæй цæры:

Уый куы равдисы йæ зонд —
Фыдты бахауы йæхи сæр..
Æви нæу дæуæн зындгонд
Пушкин—дзырдты 'фсады хистæр?

Уыцы Пушкинæн йæ цыт
Уыд йæ хæрдгæбыд ныхасæй
Æмæ арвнарынау цыд
Бæстыл, дунетыл йæ разæй.

Уый куы зарыд зарæг, уæд
Зæрдæ ирвæзти йæ рыстæй,
Ради урсурсид гæххæтт
Уымæн, саугæнгæ, йæ фыстæй.

Уый цы дзыхарæхст уыд, цы! —
Уымæ хъусыс æмæ — тайыс,
Дзырд зæгъæд æрмæст, уæд дзы
Мин æрвардыны уыдтæис.

Рухс поэзийы мæсыг
Ломоносовæн йæ конд уыд,
Фæлæ уым æрцард фæрныг
Пушкин йæ 'мбисонды зондæй.

Айтыгъта Державин дард
Рух поэзийæн йæ бæстæ,

Фæлæ хицауæй æрцард
Кæдджын Пушкин уым йæ фæстæ.

Байдзаг кодта Қарамзин
Кæхи поэзийы сырх сæнæй,
Фæлæ уыцы кæхцы 'фсин
Пушкин разындис æцæгæй.

Кæд Никъалайы зыдтой
Ам, Тæтæр æмæ Кятайы,
Пушкинæн та уæд йæ кой
Дун-дунетыл удау уайы.

Хурыскæсæны бæрзонд
Ног мæй хъуыдыты куыд бадь,
Афтæ Пушкинæн йæ зонд
Кæдджын, уарзон у Цæгаты.

Уый куыд узæлди дæгыл!
Ахæм арфзондджын зынаргъ фырт
Иу мад, иу фыдæн зæххыл
Цардцæрæнбонты нæ райгуырл.

Фæлæ байхъус ныр мæнмæ:
Уый цы мад, цы фыд ниййæрдтой,
Уыдон се 'зæрин фыртмæ
Алкæд дурзæрдæ куы лардтой.

Уыдон маргæйдзаг нæмыг
Райстой, Пушкин та нысан уыд..
Ох, цæй хъыг мын уыд, цæй хъыг! —
Нæмыг тугдæдзини бацыд.

Иунæг ихи къæрттæй раст
Дыргъ куыд æрхауы бæласæй,
Афтæ уый фæци тыхсаст
Маргдзых адæмы ныхасæй.

Аци судзгæ цард цыбыр,
Рахауд рухстауæг ыстæлы,
Ирд цæхæрцæстыты ныр
Бацард сау æнусон талынг.

Уый сар—царднывтæ хæссæг —
Раздæр бун сæнтæ кæм тыдта,
Уым ныр калмуарзаг рæстæг
Бирæ калмахдæттæ сбыдта.

Зæрдæ—уарднй къуыбыр—
Ради, булæмæргъ дзы зарыд, —
Баруади, йæ бæсты ныр
Какон сындз йæ къоппа дары.

Маргъау, дард æмæ бæрзонд
Атахт уый ул фидар буарæй
Æмæ 'взонг æмæ зæронд
Сау фыдохы бон æвзарыцц.

Ниу, дзыназгæ, хæр дæхи
Ды, уырыссаг зæхх, æдзухæй:
Пушкин цардæфтыд фæзи
Саузæрдæ дæгмарты къухæй.

Дæу нæ бахызтой зæххыл
Де 'рдæг уащмыстæ мæлæтæй
Æмæ 'ршылдысты дæуыл
Знагты хин æмæ калæнтæ.

Дæу æгъатырай мæлæт
Байста де 'нувыд дымæнтæй,
Ныр дæ хъахъхъанæг фæуæд
Мæрдты бардуаг дæнцæты.

Уыл Бахчисарай дæуæн
Аджын, уарди уарзтай бирæ, —
Ныр дæ ингæнмæ дæтдзæн
Уалдзыгон фантан эфиры.

Мары дыл Кавказ йæхи,
Сүрс йæ сар, æрхаул йæ риуыл,
Æмæ стихтай Сабухи
Саутæ скодта ныр йæхиуыл.

А. С. ПУШКИН
ЭПЕГЕННЕ

Кёзлериме кьалкьыу кирмей, кьаранъы кече олтураем,
Джюрегиме «саламат талпыу хазна» деб сораем:

Гюл бачханъы джырчы бул-булу нек кьойгьанды
джырлагьанын,

Сеир сёзню папугайы нек бардырмайды ушакъларын?

Бушуу нек басханды, назмуланы талпыб алмазча

Иги муратларынъы келечиси нек чыкьмайды джолгьа,
кьолгьа?

Кьарачы, джаз келиб дарий кюйюзча, айбат биченликде
Тюрлю-тюрлю джасанъан гюлле шыбырдайдыла
джелчикде.

Фналкала кёзлеу илипинни джагьаларын джасадыла,
Розала джилтинлеча башларын ачыб башладыла.

Табийгьат кьызла джасаналла алагьа саугьа этерге,
Накьутналмазларын тегедиле хансла тау этекледе.

Кьурмашча чагьадыла тереклени кёкен бутакълары,
Есюмлени шохларыча, кенъе ачылыб кьучакълары.

Кьына бла дарий кьанат кьачхахач аланы саулукъларын
Ичелле толтуруб кьаншаутюшгенни назик бокалларын.

Кёз джетер джерде айырылыб османы бек кёблюгюнден.
Алагьа кьараса, кьамаб суу агьады нарциссини
кёзлеринден.

Джырчы Булбул «сизге ашхылыкь» дерге башлагьанча
кьычырыб,

Саугьаланы тутханча, турады аузуна гюлню кьысыб.

Гюл бачханы сугъарыргъа булут хазыр болуб турады,
Эртденъи аязы къанаты аны солуун тыяды.

«Къырдышлы джерни тишлеча джарыб чыгъыгъыз ариу
хансла»
Деб эртден сайын назик тауш бла джырлайла
чыбыкъла,

Хар ханс кесича аламатды аямай омакъ джасаныб,
Табийгъат базаргъа чыгъады саугъасын алыб.

Бири ариулукъ эмда кукалыкъ бла джарытад джюрекини,
Экинчиси солуунда алгъышлайды роза суюмекликини.

Ала бары да къуанадыла, къюнуунда джарыкълыкъны,
Емюрлюкге таушлал къайгыны эм ауур мыдахлыкъны.

Неда сен, джюрегим, сеир къуанчдан зор бла айырылыб,
Къаршы джерженибми къалдынъ къалкъыугъа джол
салыб.

Башында илгиздик болуб акъылы, къалмай учунънан
Затынъ, джюрегим узакъдаса назмудан, иги муратдан.

Тынчылыкъсыз тенъизде арымай джюжоучю, джюрегим,
Аламат назмула тутуучу, джюрегим!

Сен тюлмень аламат сёзлени тенълешдириб джасаучу,
Къонъурау тизгиндени окъа халыгъа тагъыб башлаучу.

Нек басды аур мыдахлыкъ, не болгъан эди санъа?
Кюйюб нек бараса, нек киндинъ ауур бушуулу къара?»

Деб сорсам менъе, шохум, тенъым аллай кюн келди,
Бюгюнден ары кесими джанъыз бир къой—дейди.

Гюллеча, мен да билмейем ашыгъыб келликлерин,
Джайгъы кюнледен сора сызгъырыб, къачны суукъ
джеллерин.

Энди бил сен да назму атынъы аузун кючлю от
чакъдырыб

Махдау ючюн кюрешге таукел джибереме ашырыб.

Алай'а къыйынды бугъоулаучу залим заман
Билеме тутхан муратына джеталлыкъ тюлдю адам.

Телид къанатлы темир ауну сынагъандан сора
Тары бюртюк ючюн башласа кесин ары ура.

Махдау бла эрликини таушу тохлаусуз къб джашайды,
Кеси да бек минкде кёк кюкюрегенъе ушайды.

Билеме сенсиз да, джукъ эшитдириб сагъынма менъе,
Анъылагъанланы бусагъат заман джыйгъанын тюрге.

Сен билмеймисе, эшитмегенмисе, сеирлик хапарын
Назму аскерлени башчысы улуу Пушкинни атын.

Минъ кере махдау берилген джырчы Пушкинни атын,
Аны саулай дуня талпыб окъуучу атын.

Къагъытны акъ бети къаралаед талпыб
Ол башласа аламат назмуларын джазыб.

Алтын таукъ къымылагъанча, аны муратларына,
Сёзле ууланыб кёрюнюченелле джанкъылыч суратла.

Ломоносов орнатды чемерлеб табигъат тохананы
Алай'а Пушкинни иги муратлары толтурду аны.

Державин болду эсе таймазлыкъ назму къралны неси,
Анда атын айтдырады Пушкин джанъыз кеси.

Карамзин толтурду билим аякъны чагъырлан
Пушкин таукел ичиб бошады джукъ къалдырмай андан.

Николай белгили эсе Татариядан Кытайгъа дери
Пушкинни уа бек усда биледи хар адамы Джерин.

Шималда суюедиле кюнча джарыкъ акъылын аны,
Шаркда багъалатханча тюрсюнюн кёкде джарты айны.

Аныча акъыллы, пахмулу уланын берирге,
Джети ата бла тёрт ананы къолундан келмез ёмюрде.

Сеирсинсенъ да энди эшитиб къой, айтама санъа,
Ол ата, ол ана хатерсиз къаты болгъанларын анъа.

Аджал садакъгъа аны иш этиб аш этдиле
Джюз кере ахсиндырыб, джан тамырын кесдиле.

Къоргъашын бузу узакъ къара булутланы
Буйрукъ бла тохдатды кенъ джашауун аны.

Чырагын джукълатды ууу аджаллы джеллени
Суукъ, къарангы басды джырчыны джансыз тѣнъегин.

Агъашчы балтасын алыб бузджюрекликни
Аны джашау бачхасындан кесди терекни.

Аны башын да-аламат сагъышланы уясын,
Бурду джылан уягъа, джылан ѣмюрню дунясы.

Булбулну джырлатхан розача джюреги,
Ургъанын тохдатыб чыгъанакъла джиберди.

Табийгъаты чыбчыкъ болуб тѣнъегинден учду аны
Къыйынлыкъда джыйлайдыла къарт, джаш да бары.

Саулай джери бюгюн сарнайды уллу орусну,
Пушкинини ѣлтюрдю-деб мурдарны къолу.

Аламат назмуларындан себѣ болмады джанынъа,
Харамлыкъ этиб башлагъанларында хыйнычыла санъа.

Айырдыла бу дуняда тенглериндѣн ѣмюрлюкге,
Минк кѣкде аллах джумушасын сеннѣ.

Тылпыулары Бахчасарайда эки розангы,
Джаз джелде фонтан болуб инакъларла обангы.

Кавказ чал болгъанды хапарынгы эшитиб,
Сабухинни назмуларын юсюн къара кииб.

БАЛЛАДА-РОМАНС

МУСИНИИ
Султан Эскербековдур

Көзләримдән јуху гачмыш, мәни боғмагда хәјал,
 Дүшүнән бејними сармыш јенә бир гәмли сувл:
 Нијә солмуш о чәмәнләр ки, өтүшмүр гушлар?
 Јохса көјләрдә дәрин, пәрдали бир һикмәт вар?
 Нијә ше'рин јолу бағланды? Сәбәб вар бәлкә.
 О күнәш батдымы, сәнәт күлүнә дүшдү ләкә?
 Алышыб јандым, а залым, мәни сарсытмада кин:
 Ше'рләр мәчлисинин көвһәри шаир Пушкин,
 Елә Пушкин ки, бүтүн аләм онун нәғмәсинә
 Афәрииләр дејә, гојмушлу дағын зирвәсинә!
 Елә Пушкин ки, она көјдә булулдар да јаныр:
 „Нә үчүн гулдур әлиндән бу тәбиәт дә сәнә
 Бир хиласкар ана гәлбилә аман вермәди, аһ!
 Достумуз гулдур әлилә гана батды, еј ваһ!
 Кет, әзиз шаирим, еј дәрдә салан дүнјаны,
 Сәнә күл көндәрәчәк „Бағчасарај фонтаны“.
 Еј Сәбуһи, гоча Гафғазда битән күлләри дәр,
 Јаралы ше'ринә гат, Пушкинә көндәр, көндәр!

Andantino

The musical score is written for piano and voice. It begins with a tempo marking of "Andantino" and a 6/8 time signature. The piano part consists of two staves, and the vocal part consists of three staves. The lyrics are written in Cyrillic script below the vocal staves. The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings.

The lyrics in Cyrillic are:

Көзләримдән јуху гачмыш, мәни боғмагда хәјал,
 Дүшүнән бејними сармыш јенә бир гәмли сувл:
 Нијә солмуш о чәмәнләр ки, өтүшмүр гушлар?
 Јохса көјләрдә дәрин, пәрдали бир һикмәт вар?
 Нијә ше'рин јолу бағланды? Сәбәб вар бәлкә.
 О күнәш батдымы, сәнәт күлүнә дүшдү ләкә?
 Алышыб јандым, а залым, мәни сарсытмада кин:
 Ше'рләр мәчлисинин көвһәри шаир Пушкин,
 Елә Пушкин ки, бүтүн аләм онун нәғмәсинә
 Афәрииләр дејә, гојмушлу дағын зирвәсинә!
 Елә Пушкин ки, она көјдә булулдар да јаныр:
 „Нә үчүн гулдур әлиндән бу тәбиәт дә сәнә
 Бир хиласкар ана гәлбилә аман вермәди, аһ!
 Достумуз гулдур әлилә гана батды, еј ваһ!
 Кет, әзиз шаирим, еј дәрдә салан дүнјаны,
 Сәнә күл көндәрәчәк „Бағчасарај фонтаны“.
 Еј Сәбуһи, гоча Гафғазда битән күлләри дәр,
 Јаралы ше'ринә гат, Пушкинә көндәр, көндәр!

мши. Ис-на бед гам-на су-на Ни-я соя - муш и чаман-
 нур ки - ши - нур гун - аар? Юк-са кей - аар-аа аа-оон
 нур-аа-ар бун пиз - март кэр? Ни-я шэ - оон ю-ав ба-
 нун-ав' Са-ооо тас баа - аар? О нуншэ бат-ам-нн са-
 нур бу-ав. нр ахв - ах аа - аар? А-ау-нуншэ шэ - оон
 poco a poco

ПИЛ МОССО
 А за-нн Ма-нн са-р
 accell... *mf* *f* *mf*
 ПИЛ МОССО
 П - сур-ма-аа ааа Ма-нн са-р - сур-ма-аа
 ннн Шт-ар-аар нон - ах-сн-ннн кав-на-ри шэ-ар-Пун-
 - ннн Е-аа-Пуншанна: бу-тун а-ауи о-нун шэ-ма-сн
 - ннн о-нун шэ-ма-сн - ннн а-о-о-оон-аар ах-аа

гоимүр дуулагчи ирээс - сн ...на! Е . ас Пуш - сн хх
 Е . ас Пуш - сн ан
 нир буудалр ан га - нир
 буудалр дажнур ан
 роса о рнн нд
molto
tempo

Detailed description of the left page score: The score consists of seven systems. Each system includes a vocal line and a piano accompaniment. The piano part features complex chordal textures with many triplets and sixteenth notes. Dynamics include *mf*, *f*, and *pp*. The tempo marking *molto* is at the beginning, and *tempo* appears later in the piece.

На үчүн гул-дур э-анн - дан бу та-би - ат - да са-на
 Бир андас хар а-на гал - би - да а-ман нэр - мн-ан, ан!
 Досу-муз гул - дур э-ан - ю га-на бат - ан, сн ван!
 Мет, эмэ ша - н-рнн, сн Аар - да са-анн дун - га - нн

Detailed description of the right page score: The score consists of five systems. Each system includes a vocal line and a piano accompaniment. The piano part continues with complex textures, including many triplets and sixteenth notes. Dynamics include *p*, *pp*, and *mf*. The lyrics are in Mongolian and appear to be a continuation of the text on the left page.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ся-но-куа кун-да-р-чэн сбах-ча-св-рэй Фэн-ли-мэр.

Ей Са-бу-ин, го-ча Гао-газ-де-би-тан куа-ли-рн-дэр.

Я-ра-ли шэ-рн-на-гай. Цун-жи-ли нон-хэр.

Кун-хэр!

p *pp* *p* *mf* *meo* *sf* *sf* *sf*

НА СМЕРТЬ

ПУШКИНА

Не предавая очей сну, сидел я ночь и говорил сердцу:
о рудник жемчуга тайн!

Что случилось, что соловей цветника твоего отстал от песен? Что случилось, что попугай красноречия твоего замолк?

Что случилось, что путь витийства твоего загражден? Что случилось, что гонец мечты твоей остановился?

Взгляни, наступила весна: все растения, будто девы, величаются красотой и прелестью.

Берега ручейков на лугу усеялись фиалками; расцвела почка огнистая на кусту розовом цветника;

Степь изукрашена, как невеста; подол нагорья наполнен цветами, как драгоценностями для осыпания её.

Увенчанное цветами дерево, как царь, стоит в саду с невозмущаемою важностью.

Лилия и ямин, как вельможи, в честь его пьют вино росы из чашечек тюльпана.

Так изукрашен луг ясынями, что от зренья на него помутились очи упоеннаго нарцисса.

Приветствующий соловей подносит гуляющим, будто дар, в клюве листок розы.

Готово облако оросить цветник водою; к нему зефир приносит благоухание.

Нежным голосом поют по утру птицы: о красавица зелен! выходи из-под покровы праха.

Всё существующее нечуждо какого либо искусства; от всего есть приношение на этом торжище:

Один очаровательною красотой, пленительными взглядами величается; другой стенанием изъясняет любовь свою.

Все ныне в наслаждении и веселии проводит время свое, распrostившись с печалью.

Все, кроме тебя, сердце мое! Не участвуешь ты в радости и восторге, не просыпаешься из безмолвия!

В сердце твоём нет склонности, в голове любви ни к кому; далеко ты от страсти к славе и от мечты Поэзии.

Не ты ли тоже самое сердце, которое, погружаясь в море мыслей для стихов, подобных жемчужинам царским,

Давало нити сих перлов на украшение ланит тысячеигривым выражениям, будто девам.

Теперь не знаю, откуда печаль твоя? теперь к чему ты сокрушаешься и унываешь, как плакальщица похоронная?

Оно отвечало: о сотоварищ в моем уединении! теперь оставь меня самому себе.

Если бы, как красавица луга, я не знало, что за ветерком весенним следует бурный вихрь осени:

Знай, тогда опоясало-б я мечём языка стан гусара-Поэзии на славную борьбу в сей войне.

Но мне уже известны вероломство судьбы, конец мой и жестокость этой изменницы.

Нет ума в той птице, которая, видев своими глазами сеть, опять для зерна подвергается беде.

Гром славы, отклики доблести считай эхом внутри сего вращающегося свода.

Не говори о мечте: я уже знаю, чем это криво ходящее небо награждает питомцев её.

Разве ты, неведущий мира! разве не слышал о Пушкине, главе собора Поэтов;

О том Пушкине, которому стократно гремела хвала со всех концов, когда он игриво изливал свои мечтания;

О том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять белизну свою, чтобы только перо его проводило черты по лицу её?

В мечтах его, как в движениях павлина, являлись тысячи дивных цветов Литературы.

Ломоносов красую гения украшал обитель Поэзии, но его (Пушкина) мечта в ней утвердилась.

Хотя Державин завоевал державу Литературы, но для управления и устройства её избран он (Пушкин).

45 Дума его как птица влетела от
тоска его бурно ир всегда и воем
старая и милоея бурдунно сг те
гаше и горесты

46 Россия вь скорби воскреснет от
Оубитий духом убейца - гудом брды

47 От тая: от стократ тебе от
Колдество воем стирой Корольки
милосердот твоей.

48 Ты дрался от земной дурей, да
будом вь небесах дурей твоем
или сердце воем

49 Франтия ир Багисарол посылит
Крону твоему от воем илии зери
ромил блявуданит дурей ругавом

50 Стрела Подвласий Кавсар вива
стирот на таси твоем отогом
вь стироме Свободия.

Карамзин наполнил чашу вином знания: он (Пушкин) выпил вино сей наполненной чаши.

Распространилась слава его гения по Европе, как мощество и величие Николая от Китая до Татарии.

По светлому уму своего был он образцом на Севере, подобно молодой луне, которой вид дорог Востоку.

Такого быстро-постигающего сына, такого даровитого сына не раждали четыре матери от семи отцов.

Теперь с удивлением слушай от меня, что сии родители не устыдились быть к нему жестокими;

Прицелились в него стрелою смерти, безжалостно прекращая дни его.

Черное облако, по повелению их, одною градиною побило плод дерева его жизни.

Жестокий ветер смерти потушил светильник его души; тело его, как терем, стало мрачно.

Сей старый садовник секирою безжалостною срубил его стан, как молодую ветвь с террасы сего цветника.

Голова его, в которой хранилось сокровище ума, сделалось, чрез рок змеенравный, жилищем змеи.

Из праха сердца, подобного почке, в котором воспевал соловей его гения, ныне растет терн.

Душа его, как птица, вылетела из тела его, как из гнезда, и всех старых и малых сдружила с горестию.

Россия в скорби и печали восклицает о нем: о жертва смерти!

Так! не спас тебя от оков колдовства этой старой чаровницы талисман твой.

Ты удалился от земных друзей, да будет в небесах другом твоим милосердие Божие!

Фонтан из Бахчисарая посылает праху твоему с весенним зефиром благоухание двух роз твоих.

Старец седовласый, Кавказ, ответствует на песни твои стоном в стихах Сабугия.

НА СМЕРТЬ

МУЖИКИ

Не предавая очей сну, сидел я в темную ночь и говорил своему сердцу: О, родник жемчужин тайны! Отчего забыл песни соловей цветника твоего? Отчего замолк попугай твоего красноречия?

Отчего случилось, что запал путь твоей поэзии? Отчего стало, что гонец мечтаний твоих остановился?

Взгляни кругом — наступила весна, и все растения красуются юной прелестью, словно девы! Берега ручейков, бегущих по лугу, подернулись фиалками. Огнестые почки розы вспыхнули в цветниках. Степь изукрашена как невеста: угорье, мнится, собрало все цветы в полу свою, чтобы осыпать ее ими, как драгоценными камнями.

В невозмутимом величии, в короне цветов, как царь, возвышается дерево посреди сада, а лилия и ясмин, будто вельможи, пьют в честь его росу из чашечек тюльпана.

Луг до того ярко блещет ясьминами, что от взора на него помутились очи упоенного нарцисса. Приветливый соловей несет в дар гостю листик розы.

Готово облако обрызнуть цветник дождем, а ветерок — отдать ему свое благоухание.

Сладко поют птички: красавица-зелень, прогляни из-под фаты праха!

Все живое знакомо с каким-нибудь художеством — от каждого есть приношение на торжище природы.

Одно величается красотой или пленительными взорами, другое — стенанием выражает любовь свою. Все теперь наслаждается и веселится, распростившись с печалью.

Все, кроме тебя, сердце мое. Не участник ты в общей радости и восторге; не просыпаешься ты из безмолвия.

И в глубине твоей нет ни к чему склонности, нет ни к кому любви. Далеко ты от страсти к славе и от мечты поэзии.

Разве ты не то самое сердце, что погружалось в море мыслей, на ловлю стихов, подобных жемчужинам царским, и дарило целые нити их, в украшение тысячам игривых вырежений, будто красавицам?

Откуда же теперь печаль твоя? Не знаю. Для чего теперь ты стенаешь и сокрушаешься, как плакальщица похоронная?

Отвечало на это сердце: Товарищ моего одиночества, оставь меня теперь самому себе.

Если б я, наравне с красавицами дуга, не ведало, что за вешним ветерком дуют вихри осенние — о, тогда я препоясало бы мечом слова стан наездника поэзии на славную битву; но мне знакомо вероломство судьбы и жестокость этой изменницы. Я предвижу конец мой.

Безумна птица, которая, однажды увидев сеть своими глазами, для зерна вновь летит на опасность!

Что такое гром славы, что такое хвала за доблести, как не отклики звуков внутри этого коловратного свода! Не говори мне о поэзии! Я не знаю, чем это небо награждает своих поклонников.

Разве ты, чуждый миру, не слышал о Пушкине, о главе собора поэтов? О том Пушкине, которому многократно гремела хвала со всех концов света, за его игриво текущие песнопения! О том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять свою белизну, лишь бы его перо рисовало черты на лице её!

В мечтаниях его, как в движении павлина, являлись тысячи радужных отливов словесности.

Ломоносов красотою гения украсил обитель поэзии — мечта Пушкина водворилась в ней. Державин завоевал державу поэзии — но властелином ее Пушкин был избран свыше.

Карамзин наполнил чашу вином знания — Пушкин выпил вино этой полной чаши. Разошлась слава его

по Европе, как могущество царское — от Китая до Тартарии.

Светлотою ума был он любимцем Севера, так как взор молодой луны драгоценен востоку.

Такого остроумного, такого даровитого сына не рождали доселе четыре матери от семи отцов (т. е. стихии и семь небес).

С удивлением теперь внимай мне: эти родители не устыдились быть к нему жестокосердны.

Прицелились в него смертной стрелой. Исторгли корень его бытия. Черная туча, по воле их, одною градной побил плод его жизни. Грозный ветер гибели потушил светильник его души. Как тюрьма, стало мрачно его тело.

Старый садовник — свет пересек его стан безжалостною секирой, как юную ветку своего цветника.

Глава его, в которой таился клад ума, волей змеявского рока стала виталищем змей. Из сердца, подобно розе, в которой пел соловей его гения, растут теперь тернии. Будто птица из гнезда, упорхнула душа его — и все, стар и млад, сдружились с горестью. Россия в скорби и воздыхании восклицает по нем: Убитый злодейской рукою разбойника мира!

Итак, не спас тебя от оков колдовства этой старой волшебницы-судьбы, талисман твой! Удалился ты от земных друзей своих — да будет же тебе в небе другом милосердие Божие! Бахчисарайский фонтан шлет тебе с весенним зефиром благоухание двух роз твоих. Седовласый старец — Кавказ отвечает на песнопения твоим стоном в стихах Сабухия.

НА СМЕРТЬ

ПУШКИНА

В темную ночь, глаз сну не предавая,
Я сердцу своему с тоскою говорил:
О, сердце, ты родник жемчужин тайны.
Отчего соловей забыл сладкие песни
Твоего цветника? Отчего попугай
Твоего красноречья замолк? Отчего
Путь поэзии словно запал, и гонец
Твоих вечных и сладких мечтаний
На месте, как вкопанный встал?
Взгляни кругом... Весна в права вступила,
И словно девы прелестью своей
Красуются кругом расцветшие растения,
Фиалками обрызганы берега
Бегущих лугом чистых ручейков:
И почки роз огнистых, вспыхнув,
Готовы распусться в цветниках.
Вся степь украшена цветами, как невеста;
Она, как камни драгоценные, блистают.
Смотри, в величии своем невозмутим,
В короне из листвы, как царь, среди сада
Возвысилось древо. Вокруг него
Жасмин и лилия — садов вельможи —
В честь своего царя из чашечек тюльпана
Пьют ароматную росу... Луг блещет,
И звонки песни птиц... Все радостью и светом
Сияет здесь, простившись с печалью.
Все, что живет, приносит дар природе...
А ты... Ты, сердце! Что же ты молчишь?
И к общей радости, к общему восторгу
Относишься с безмолвием тоскливым?
Ужели в глубине твоей нет чувства,

Нет склонности, нет радостей любви,
Ужель ты далеко от страсти к славе,
И от поэзии мечты твои далеки?
Ты то же сердце, что с такою страстью
Бросалось в море мыслей и ловило
В нем чудный стих, жемчужине подобный,
Сбирая те жемчужины, низало
Ты нити целые и радостно дарило
Природе их и красоте природы:
Дарило женщине... Жемчужин дивных нити
Стихами назывались... Блеск жемчужин
Равнялся тысячам игривых выражений,
Рассеянных в словах... Скажи, откуда
Печаль твоя?.. О чем, скажи, ты стоишь
И сокрушаешься, как мать по сыне?
Отвечало мне на это сердце:
Оставь меня, товарищ дорогой мой,
Одно хочу — с своей тоской остаться...
О, если бы не видало я также,
Как все красавицы леса, луга, сада,
Что за весенним ветерком есть также
Ветра осенние! Мечом священным слова
Я б препоясала наездника лихого
И в битву честную — велика в слове сила —
Благословив; его б не отпустила.
Но мне судьбы знакомо вероломство
И знаю я изменницы жестокость,
И свой конец я хорошо предвижу.
Мы назовем всегда безумной птицу,
Что зрела сеть и вновь слетает к корму,
Грозящему опасностью для жизни!
Скажи мне, что в сем мире значит слава,
Что значит доблестям высокая хвала?
Беззвучный отклик звуков в поднебесной
Под этим коловратным сводом неба.
К чему мне петь его, когда я знаю,
Какой наградой грозит оно поющим
Его поклонникам?

О Пушкине слышал ты?

Он был главою собора всех поэтов,
Ему хвала стократная гремела,

Со всех концов великие вселенной,
А песнь его, свободно и игриво
Бежавшая из сердца родника,
Так упоила всех своей живою влагой.
Бумага жаждала утратить свою белизну,
Лишь только б лик ее исчерчен был
Рукою вдохновенного поэта.
Его мечты — движения павлина —
Являли радугу блестящих слов и мыслей.
Поэзии обитель — Ломоносов
Украшил лишь, а Пушкин водворился
В обители. Поэт Державин славный
Завоевал поэзии державу.
Но Пушкин!.. Он был избран властелином
Святой поэзии и избран был им свыше.
Наполнил чашу знанья Карамзин
И Пушкин выпил знаний этих чашу.
Ум светлый Пушкина любимым был
На севере на столько ж, как на юге
Лик молодой Луны нам драгоценен,
Четыре стихии и семь небес доселе
Такого сына не рождали миру.
Так слушай же теперь и содрогайся:
Четыре матери и семь его отцов
Не устыдились быть жестокосерды
И смертною стрелой прицелившись в него,
В миг корень бытия его исторгли
Из черной тучи градина одна
По воле их побила жизни плод,
И грозный ветер, дунув, потушил
На век души его светильник чудный.
Мрачней тюрьмы поэта тело стало.
Садовник старый — «свет», — безжалостно секирой
Стан пересек его. Упала ветка
Живая, полная, покрытая листвою,
Готовая плодами разродиться.
В главе его, где клад ума таился,
Теперь по воле рока выются змеи,
В его любвеобильном, чудном сердце,
Которое подобно было розе,
Где гения-поэта соловей

Пел песни чудные, теперь, увы, оттуда
 Растут лишь тернии. Как птица из гнезда,
 Его душа святая упорхнула,
 И вместе, стар и млад, слились в печали,
 Сдружились крепко горестью единой.
 Скорбит Россия, все скорбят народы
 И в воздыхании и в скорби восклицают:
 — Убит! Убит! Злодейскою рукой
 Убил его разбойник мира! —
 Итак, не спасся ты от злой и старой
 Волшебницы-судьбы... Твой талисман
 Не мог разрушить колдовства оковы.
 Ушел навек ты от земных друзей,
 Но в небе встретишь ты, поэт великий,
 Другую дружбу — милосерда Бога!
 И будет слать тебе с весны зефиром
 Благоухание двух роз твоих фонтан
 Бахчисарая, столь тобой воспетый
 И песнопения твои глубоким стоном
 Вспомынет среброкудрий, чудный старец,
 Тойбой любимый и тобой воспетый,
 Седой Кавказ!..
 Прими же стон сердечный,
 Прими крик сердца моего, Великий,
 Глава собора всех земных поэтов!

МҮНДЭРИЧАТ

Мүгэддима		7
«Шарг поемасы»	рус дилиндә (тәрчүмәси П. Антоколскининди)	23
»	» Азәрбајҗан дилиндә (тәрчүмәси М. Мүшфи-гинди)	29
»	» Украјна дилиндә (тәрчүмәси И. Гончаренко-нундур)	35
»	» белорус дилиндә (тәрчүмәси И. Семезонундур)	41
»	» өзбәк дилиндә (тәрчүмәси Магсуд Шейхзаде-нинди)	47
»	» гәзәк дилиндә (тәрчүмәси К. Мурзалијевин-ди)	53
»	» күрчү дилиндә (тәрчүмәси И. Гришавили-нинди)	59
»	» ермәни дилиндә (тәрчүмәси Ашот Граши-нинди)	69
»	» түркмән дилиндә (тәрчүмәси М. Сејидовун-дур)	75
»	» (поеманни оригиналы)	81
»	» литва дилиндә (тәрчүмәси А. Жукаускасын-ды)	95
»	» латыш дилиндә (тәрчүмәси J. Ванагынди)	99
»	» молдав дилиндә (тәрчүмәси И. Ставскајанын-ды)	105
»	» ыргыз дилиндә (тәрчүмәси С. Чусујевинди)	111
»	» ујғур дилиндә (тәрчүмәси X. Хамрајевинди)	117
»	» башгырд дилиндә (тәрчүмәси М. Сүндүкдү-нундур)	123
»	» татар дилиндә (тәрчүмәси Зәки Нурининди)	129
»	» Удмурт дилиндә (тәрчүмәси А. Клабуковундур)	135
»	» Мари дилиндә (тәрчүмәси И. Казаковундур)	141
»	» ингуш дилиндә (тәрчүмәси Ә. Ведзиевинди)	147

»	»	якут дилиндэ (төрчүмэси С. Даниловундур)	153
»	»	Осетия дилиндэ (төрчүмэси Плят Грисиндир)	159
»	»	гарачај дилиндэ (төрчүмэси М. Байчоровундур)	167
		Баллада-романс (төрчүмэси Чөфөр Хөнданиндур)	173

ӘЛҮӨЛӨР

		«Шәрг поемасы» рус дилиндэ (төрчүмэси Мирә Фәтали Ахундовундур)	181
»	»	рус дилиндэ (төрчүмэси М. Ф. Ахундовундур, Бестужев-Марлинскинин редактәси илә)	185
»	»	рус дилиндэ (төрчүмэси А. Соколовундур)	189

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие			7
«Восточная поэма»	на русском языке (перевод П. Антокольского)		23
«	«	на азербайджанском языке (перевод М. Мюшфика)	29
«	«	на украинском языке (перевод Н. Гончаренко)	35
«	«	на белорусском языке (перевод И. Семезона)	41
«	«	на узбекском языке (перевод Магсуда Шейхзаде)	47
«	«	на казахском языке (перевод К. Мурзалева)	53
«	«	на грузинском языке (перевод И. Гришавили)	59
«	«	на армянском языке (перевод Ашота Граши)	69
«	«	на туркменском языке (перевод М. Сендова)	75
«	«	(оригинал поэмы)	81
«	«	на литовском языке (перевод А. Жукаускаса)	95
«	«	на латышском языке (перевод Ю. Ванга)	99
«	«	на молдавском языке (перевод И. Ставской)	105
«	«	на киргизском языке (перевод С. Джусуева)	111
«	«	на уйгурском языке (перевод Х. Хамраева)	117
«	»	на башкирском языке (перевод М. Скодюкле)	123
«	«	на татарском языке (перевод Заки Нури)	129
«	«	на удмуртском языке (перевод А. Клубукова)	135

«Восточная поэма»	на ларийском языке (перевод Н. Казакова)	141
«	« на нигушском языке (перевод А. Ведзажева)	147
«	« на якутском языке (перевод С. Данилова)	153
«	« на осетинском языке (перевод Плита Грис)	159
«	« на карачаевском языке (перевод М. Байчорова)	167
Баллада-романс	(слова в переводе Джафара Хандана)	173

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Восточная поэма»	на русском языке (перевод Мирза Фатали Ахундбва)	181
«	« на русском языке (перевод М. Ф. Ахундова, в редакции Бестужева-Марлинского)	185
«	« на русском языке (перевод А. Соколова)	189

Художественный редактор *И. Пичхадзе*
 Корректоры *А. Касум кызы, Ж. Волкова*

Подписано к печати 27/IX 1962 г. Формат бумаги 84×108^{1/32}.
 Бум. лист. 3,06. Печ. лист. 10,05 + 4 вклейки. Уч.-изд. лист. 6,6.
 ФГ 04968. Заказ 386. Тираж 5000. Цена 60 коп.

Типография Академии наук Азербайджанской ССР,
 Баку, Рабочий проспект, 96.

1061

